

**МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН**

**САМАРКАНДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ**

На правах рукописи

УДК _____

КУЛИЕВ РИЗО

МЕТАФОРА В КОГНИТИВНОМ АСПЕКТЕ

Специальность: 5A220102

Лингвистика (английский язык)

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание академической степени магистра филологии

Работа рассмотрена и
обсуждена на кафедре
“Теория и практика арабского языка”
зав. каф. А.М. Туробов
“___” _____ 2017 г.

Научный руководитель:
к.ф.н. Журакулов Р.Д.

Самарканд – 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава I. Становление в когнитивной теории метафоры.	9
1.1. Понятие и цели когнитивной науки.	9
1.2. Концептуальная метафора в сфере политической коммуникации.	14
1.3. Метонимия, синекдоха и ирония	17
1.4. Принцип инвариантности в когнитивной теории метафоры	22
Глава II. Когнитивная теория метафоры	31
2.1. Метафора как познавательный процесс.	32
2.2. Компьютерная метафора в познании	43
2.3. Исторические варианты компьютерной метафоры	45
2.4. Буквальный вариант компьютерной метафоры	48
2.5. Компьютерная метафора как базисная метафора	58
Глава III. Метафоры, которыми мы живём	63
3.1. Системность метафорических понятий	67
3.2. Метафорическая системность: освящение и затемнение	70
3.3. Ориентационные метафоры	75
3.4. Метафора и культурный фон	85
Заключение	90
Библиография. Использованная литература	94

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность диссертации. Наука могла бы вечно заниматься описанием системных отношений изучаемых явлений и их классификацией. Однако подобная статистическая парадигма привела отдельные отрасли науки к кризисным ситуациям, препятствовала развитию научной мысли.

Метафора играет большую роль в мыслительной деятельности человека. Она является одним из способов отражения языковой картины мира целого народа.

Центральное место в когнитивной лингвистике занимает проблема категоризации окружающей действительности, важную роль в которой играет метафора как проявление аналоговых возможностей человеческого разума.

Идея метафорического переноса - это тот фундамент, в основе которого лежит расплывчатость понятий, которыми человек оперирует, отражая в своем сознании вечно изменяющуюся действительность.

Одним из наиболее важных путей метафорического переноса является путь от конкретного к абстрактному, от материального к духовному, что говорит о том, что метафора делает абстрактное легче воспринимаемым.

Метафора присутствует не только в повседневной жизни, но и лежит в основе понятий многих наук.

Метафору в современной когнитивистике принято определять как (основную) ментальную операцию, как способ познания, категоризации, концептуализации, оценки и объяснения мира.

Итак, современные лингвистические теории делают упор на языке как когнитивном механизме человека и стремятся выявить «посредническую» функцию языка между человеком и внеязыковой реальностью с помощью различных процессов семантической деривации.

Степень изученности исследования. В работе прослеживается эволюция учения о метафоре от Аристотеля до наших дней, делается особый акцент на концептуальную метафору, которая на сегодняшний день по праву

считается одним из наиболее активно употребляемых видов тропов и помогает человеку более быстро адаптироваться в современном динамично развивающемся языковом пространстве.

Технический прогресс освобождает человека от тяжелого физического труда предъявляет чрезмерные требования к его когнитивным возможностям и способностям. Человеку приходится постоянно осваивать новые виды деятельности, воспринимать и постигать новые явления и операции. По словам Роберта Стетсона Шоу, “You don’t see something until you have the right metaphor to let you perceive it”, что можно интерпретировать следующим образом: осознанию недоступных и незнакомых понятий способствует метафора.

Истоки исследовательского интереса к метафоре связывают с именем Аристотеля. В своей «Поэтике» Аристотель впервые определяет метафору как «приложение к одной вещи имени, принадлежащего другой». Согласно Аристотелю, «можно приложить имя или с рода на вид, или с вида на род, или с вида на вид, или по аналогии» [Аристотель, 1983, с. 657].

Цели и задачи исследования. Теория метафоры Аристотеля базируется на устойчивой семантике слова. Он рассматривает метафору вне ее окружения, как отдельно взятое слово вне микро и макроконтекста. Именно этот факт является объектом критики, так как нельзя понять значения языкового выражения, не поняв всего контекста. Именно от определения метафоры Аристотеля идёт традиция субститутивного подхода к анализу метафоры или теории метафоры как замещения, который основывается на том, что любое метафорическое выражение используется вместо эквивалентного буквального выражения и может быть им вполне заменено.

Субститутивная теория большей своей частью послужила основанием для распространённой сравнительной теории к анализу метафоры, зачатки которой можно найти ещё в «Риторике» Аристотеля. Сравнительная точка

зрения на метафору – теория, по которой в основе метафоры лежит демонстрация сходства или аналогии. Аристотелю свойственно широкое понимание метафоры как эллиптического или сжатого сравнения. Для Аристотеля «очевидно, что все удачно употребленные метафоры будут в то же время и сравнениями, а сравнения, [наоборот, будут] метафорами, раз отсутствует слово сравнения [«как»]» [Аристотель, 1978, с. 173]. Аналогичную точку зрения выражает Деметрий, который считает сравнение «по существу, развернутой метафорой», а также Квинтилиан и Цицерон.

Выделяя функции метафоры, Аристотель прежде всего подчёркивает, что метафора – это простое орнаментальное средство, значимость которого – делать речь более вычурной, привлекательной и выразительной. Аристотель считал, что метафора свойственна поэтической речи. Вслед за Аристотелем многие древние авторы считали метафору принадлежностью поэтической речи, которая несвойственна речи повседневной, обычной коммуникации. Взгляд на метафору античных философов в рамках риторики удачно сформулировал А. Ричардс: «на протяжении истории риторики метафора рассматривалась как нечто вроде удачной уловки, основанной на гибкости слов, как нечто уместное лишь в некоторых случаях и требующее особого искусства и осторожности. Короче говоря, к метафоре относились как к украшению и безделушке, как к некоторому дополнительному механизму языка, но не как к его основной форме» [Ричардс А., 1990, с. 45].

Второй функцией метафоры Аристотель считает заполнение лексических лакун в языке, т. е. метафора – это средство обозначения того, чему ещё не дано название. Но тогда она уже перестаёт функционировать как метафора, а является катахрезой.

Несмотря на то, что Аристотель рассматривает метафору прежде всего как атрибут ораторского и поэтического искусств, он в «Риторике» указывает на познавательную ценность метафоры, т. е. её третью функцию – когнитивную, эвристическую, что возвышает метафору над уровнем

простого сравнения, к которому её обычно относит Аристотель в своей «Поэтике»: «метафоры нужно заимствовать ... из области предметов сходных, но не явно сходных, подобно тому как и в философии считается свойством меткого [ума] видеть сходство и в вещах, далеко отстоящих одни от других»; «приятны хорошо составленные загадки: [они сообщают некоторое] знание, и в них употребляется метафора» [Аристотель, 1983, с. 675].

Дж. Вико был одним из первых, кто отметил, что на заре цивилизации и формирования языка первобытный человек мог изъясняться только с помощью поэтических выражений. Вико считал, что все слова с переносным значением могут быть разделены на четыре части: метафора, метонимия, синекдоха и остальные, образующие раздел «прочие».

Научное и практическое значения работы. Говоря о функциональном аспекте метафоры, необходимо определить две стороны, связанные между собой – это использование метафор в языковой системе как средство номинации и их употребление в различных функциональных стилях.

В теории когнитивной метафоры концептуальная метафора рассматривается как один из способов концептуализации (организации и обобщения человеческого опыта), позволяющий осмыслить один объект через другой и в этом смысле является одним из способов репрезентации знания в языковой форме. Метафора обычно относится не к отдельным изолированным объектам, а к сложным мыслительным пространствам (областям чувственного или социального опыта). В процессах познания эти сложные непосредственно ненаблюдаемые мыслительные пространства соотносятся через метафору с более простыми или с конкретно наблюдаемыми мыслительными пространствами (например, человеческие эмоции сравниваются с огнём, сферы экономики и политики – с играми, спортивными соревнованиями и т.д.). В подобных метафорических

представлениях происходит перенос концептуализации наблюдаемого мыслительного пространства на непосредственно ненаблюдаемое, которое в этом процессе концептуализируется и включается в общую концептуальную систему данной языковой общности.

Научная навизна исследования. Понятие и деятельность упорядочиваются метафорически, следовательно, и язык упорядочивается метафорически. Таким образом, согласно теории концептуальной метафоры, метафора не ограничивается только сферой языка. Метафора по природе – не языковое, а концептуальное явление. Метафоры заложены в самой понятийной системе мышления человека и представляют собой особого рода схемы, по которым человек думает и действует.

Области, связанные с метафорой, асимметричны, неравны. Метафора «любовь – это путешествие» распространена в ряде культур, а «путешествие – это любовь» не встречается, поскольку физические события не понимаются через абстрактные. Метафоры сосредотачивают внимание на избранных аспектах сравнения.

Объект и предмет исследования. Для того чтобы объяснить метафору как некоторый познавательный процесс, следует предположить существование глубинных структур человеческого разума в качестве устройства, порождающего язык. Когда я говорю о «существовании» глубинных структур, я имею в виду «существование» в смысле идеальной конструкции, а не в смысле реальных биологических механизмов. Путем определенных иерархически организованных операций человеческий разум сопоставляет семантические концепты, в значительной степени несопоставимые, что и является причиной возникновения метафоры. Метафора предполагает определенное сходство между свойствами ее семантических референтов, поскольку она должна быть понятна, а с другой стороны, несходство между ними, поскольку метафора призвана создавать некоторый новый смысл, то есть обладать суггестивностью. Я расположил

эту иерархию идеальных конструкций на двух уровнях глубинных структур: на семантическом и на когнитивном. Примеры из различных источников по этим уровням являются объектом и предметом нашего исследования.

Основные положения выдвигаемые к защите. Мы обнаруживаем сходную ситуацию, когда осознаем, что любая объяснительная теория метафоры неизбежно предполагает лежащую в основе «базисную метафору», на которой строится объяснение. Базисные метафоры — это исходные теоретические представления о природе метафоры, постулируемые теоретиками, такие, как «метафора представляет собой противоречие, если понимается буквально» (теория контроверзы) или «метафора — это аналогия» (теория сравнения). Мы снова не можем полностью избавиться от круга, ибо, решая задачу построения нетривиальной объяснительной теории метафоры, должны исходить из того, что метафора частично совпадает с тем, чем она в буквальном смысле слова не является; признание того, что теории метафоры предполагают лежащие в основе базисные метафоры, не влечет с необходимостью вывод о том, что сам язык должен быть целиком метафоричным. Это не следует из признания того, что теории метафоры сами по себе метафоричны. Эти положения являются основными для нашей работы.

Структура и объем работы. Диссертация состоит из Введения, 3-х глав («Становление метафоры в когнитивной теории», «Когнитивная теория метафоры»), Заключения и Использованной литературы.

ГЛАВА I.

СТАНОВЛЕНИЕ В КОГНИТИВНОЙ ТЕОРИИ МЕТАФОРЫ

Три десятилетия назад в сфере исследовательского интереса гуманитарных наук оказались когнитивные структуры и механизмы оперирования этими структурами. Впоследствии этот процесс получил название когнитивной революции (cognitive revolution), когнитивного поворота (cognitnve turn), приведшего к возникновению когнитивной науки (когнитологии, когитологии), которая ставит своей целью исследовать как процессы восприятия, категоризации, классификации и осмысления мира [Болдырев 2001: 8], так и системы репрезентации и хранения знаний [Кубрякова 1994: 34]. Когнитивная лингвистика - направление, "в центре внимания которого находится язык как общий когнитивный механизм" [Демьянков 1995: 304] и когниция "в ее языковом отражении" [Рудакова 2002: 10].

1.1. Понятие и цели когнитивной науки.

Центральное место в когнитивной лингвистике занимает проблема категоризации окружающей действительности, важную роль в которой играет метафора как проявление аналоговых возможностей человеческого разума. Метафору в современной когнитивистике принято определять как *(основную) ментальную операцию, как способ познания, категоризации, концептуализации, оценки и объяснения мира*. Мы взяли в скобки слово основную, потому что, как будет показано ниже, не все исследователи когнитивной метафоры придают ей статус именно **основной** операции.

Основными предпосылками когнитивного подхода к исследованию метафоры стали положение о ее ментальном характере (онтологический аспект) и познавательном потенциале (эпистемологический аспект).

На феномен метафоричности мышления обращали внимание Д.Вико, Ф. Ницше, А. Ричардс, М. Бирдсли, Х. Ортега-и-Гассет, Э. МакКормак, П. Рикер, Э. Кассирер, М. Блэк, М. Эриксон и другие исследователи (работы многих из них представлены в сборнике "Теория метафоры" [1990]). В 1967

году М. Осборн указывал на то обстоятельство, что человек склонен метафорически ассоциировать власть с верхом, а все нежелательные символы помещать внизу пространственной оси, что, по сути, соответствует классу ориентационных метафор в теории концептуальной метафоры [Osborn 1967]. В разработанной им же теории архетипичных метафор просматриваются истоки современной теории "телесного разума". Относительным аналогом концептуальных метафор можно считать метафорические кластеры, как способ описания системности политических метафор у Д. Джемисон [Jamieson 1980].

Многим малоизвестны работы американского ученого Дж. Джейнса. Занимаясь проблемой генезиса и эволюции человеческого сознания, Дж. Джейнс предложил оригинальную гипотезу об исторической динамике функциональной асимметрии человеческого мозга, отраженной в письменных источниках различных исторических эпох. В 1976 году исследователь выпустил книгу "The Origin of Consciousness in the Breakdown of the Bicameral Mind", в которой отдельная глава была посвящена метафорам, что отражает ту роль, которую ученый отводил метафоре в формировании когнитивной системы человека [Jaynes 1976]. Дж. Джейнс связывал эволюцию сознания со способностью к метафоризации и считал, что, метафора - это способ расширения нашего понимания мира, экспансии человеческого сознания. Как отмечал Дж. Джейнс, "абстрактные концепты формируются с помощью конкретных метафор" [1976: 50], но большинство людей не осознает метафоричности многих слов - "слова, обозначающие абстрактные понятия, как древние монеты, чье изображение стерлось от частого использования" [1976: 51]. По Дж. Джейнсу, понять - это значит найти хорошую метафору, подобрать хорошо знакомый и связанный с нашими сенсорными ощущениями образ для осмысления неизвестного и малопонятного.

Все рассмотренные исследования способствовали становлению когнитивного подхода к метафоре, но именно в книге Дж. Лакоффа и М.

Джонсона "Metaphors We Live by" [1980] была разработана теория, которая привнесла системность в описание метафоры как когнитивного механизма и продемонстрировала большой эвристический потенциал применения теории в практическом исследовании. Авторы постулировали, что метафора не ограничивается лишь сферой языка, что сами процессы мышления человека в значительной степени метафоричны. Метафора как феномен сознания проявляется не только в языке, но и в мышлении, и в действии. "Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы думаем и действуем, по сути своей метафорична" [Лакофф, Джонсон 2004: 25]. Такой подход позволил окончательно вывести метафору за рамки языковой системы и рассматривать ее как феномен взаимодействия языка, мышления и культуры. В более поздней работе "The Contemporary Theory of Metaphor" Дж.Лакофф строго разграничил метафорическое выражение и концептуальную метафору, подчеркивая, что "локус метафоры - в мысли, а не в языке" [Lakoff 1993: 203].

Согласно теории концептуальной метафоры в основе метафоризации лежит процесс взаимодействия между структурами знаний (фреймами и сценариями) двух концептуальных доменов - сферы-источника (source domain) и сферы-мишени (target domain). В результате однонаправленной метафорической проекции (metaphorical mapping) из сферы-источника в сферу-мишень сформировавшиеся в результате опыта взаимодействия человека с окружающим миром элементы сферы-источника структурируют менее понятную концептуальную сферу-мишень, что составляет сущность когнитивного потенциала метафоры. Базовым источником знаний, составляющих концептуальные домены, является опыт непосредственного взаимодействия человека с окружающим миром, причем диахронически первичным является физический опыт, организующий категоризацию действительности в виде простых когнитивных структур-"схем образов". Метафорическая проекция осуществляется не только между отдельными элементами двух структур знаний, но и между целыми структурами

концептуальных доменов. Предположение о том, что при метафорической проекции в сфере-мишени частично сохраняется структура сферы-источника, получило название гипотезы инвариантности (Invariance Hypothesis) [Lakoff 1990, Turner 1990]. Благодаря этому свойству становятся возможными метафорические следствия (entailments), которые в метафорическом выражении эксплицитно не выражены, но выводятся на основе фреймового знания. Таким образом, когнитивная топология сферы-источника в некоторой степени определяет способ осмысления сферы-мишени и может служить основой для принятия решений и действия.

Конвенциональные метафорические соответствия между структурами знаний (концептуальные метафоры) согласованны с определенной культурой и языком. Напр., концептуальная метафора ARGUMENT IS WAR (СПОР - ЭТО ВОЙНА) согласована с базовыми ценностями культуры носителей английского языка. Метафора не столько средство описания спора в понятиях войны, сколько устойчивый способ осмысления спора: можно проиграть или выиграть спор, оппонент воспринимается как противник, спорящие разрабатывают стратегии, занимают позиции, "расстреливают" (shoot down) аргументы противника и т.д. Вместе с тем, можно "представить культуру, в которой спор рассматривается как танец, участники - как танцоры, а цель заключается в гармоническом и эстетически привлекательном танце", а не в победе над противником [Лакофф 2004: 26-27]. Концептуальные метафоры "являются неотъемлемой частью культурной парадигмы носителей языка" [Lakoff 1993: 210], укоренены в сознании людей и настолько привычны, что нередко не осознаются как метафоры.

В типологии американских исследователей концептуальные метафоры, разделяются на три основные группы: структурные, онтологические и ориентационные. В структурных метафорах когнитивная топология сферы-мишени является моделью для осмысления сферы-мишени (ARGUMENT IS WAR), онтологические метафоры категоризируют абстрактные сущности путем очерчивания их границ в пространстве (MIND

IS MACHINE) или с помощью персонификации (Inflation is eating up our profits), ориентационные метафоры отражают оппозиции, в которых зафиксирован наш опыт пространственной ориентации в мире (GOOD IS UP, BAD IS DOWN).

Многообразие современных исследований по концептуальной метафоре свидетельствует не только о непрекращающемся, но и растущем интересе к теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона. Утверждение о том, что концептуальные метафоры охватывают всю сферу человеческого опыта и обладают значимым когнитивным потенциалом, на сегодняшний момент подкрепляется многочисленными исследованиями концептуальной метафоры, охватывающими практически большинство сфер человеческой деятельности.

Сфера применения эвристик этой теории постоянно расширяется за счет включения в научные изыскания материалов все большего количества языков: примером могут служить публикации, посвященные арабским или китайским метафорам. Еще одно направление развития названной теории - это обращение к метафорическому потенциалу невербальных семиотических систем, т.е. исследование концептуальной метафоры в карикатуре, жестах и в визуальном ряде креолизованных текстов.

Пересматривается традиция ограничивать роль метафоры в философии и науке. Хотя когнитивная метафора обычно и противопоставляется традиционному пониманию феномена, возводимому к Аристотелю, исследователи все чаще отмечают, что именно Аристотель первым указал на познавательный потенциал метафоры. Философы последующих поколений не обратили должного внимания на указанную Аристотелем способность "метафоры проникать в сущность вещей" [Лакофф 2004: 213], а "представители естественных наук относились к метафоре пренебрежительно, как лежащему за пределами грамматики средству, характеризующему неряшливое мышление, а не как к законному теоретическому инструменту" [МакКормак 1990: 372]. На настоящий момент

широкое распространение получили исследования когнитивного потенциала метафоры в получении научного знания. Влияние концептуальной метафоры на развитие научных идей исследовалось применительно к самой философии, а также биохимии, истории, математике, педагогике, политологии, психологии, генетике, экономике и многим другим научным направлениям.

1.2. Концептуальная метафора в сфере политической коммуникации

Особенное распространение получили исследования концептуальной метафоры в сфере политической коммуникации. Перспективы применения когнитивных эвристик к политическому дискурсу были намечены Дж. Лакоффом и М. Джонсоном [1980]. Помимо общей характеристики теории концептуальной метафоры американские исследователи рассмотрели следствия военной метафоры Дж. Картера и показали, что, казалось бы, совершенно лишняя эмоциональная оценка метафора ТРУД - ЭТО РЕСУРС позволяет скрывать антигуманную сущность экономической политики государств, как с рыночной, так и с тоталитарной экономикой.

Положение о том, что субъект склонен реагировать не на реальность как таковую, а скорее на собственные когнитивные репрезентации реальности, приводит к выводу, что и поведение человека непосредственно определяется не столько объективной реальностью, сколько системой репрезентаций человека. Из этого следует, что выводы, которые мы делаем на основе метафорического мышления, могут формировать основу для действия. Это во многом объясняет повышенный интерес современных исследователей к концептуальной метафоре в сфере политической коммуникации (А.Н. Баранов, Д. Берхо, Т.С. Вершинина, Р. Дирвен, П. Друлак, Р. Каган, Ю.Н. Караулов, А.А. Каслова, Х. Келли-Холмс, В. Кеннеди, И.М. Кобозева, В. Кристал, Дж. Лакофф, Дж. Лавтон, М. Луома-ахо, Дж. Люл, Дж. Милликен, С.Н. Муране, А. Мусолфф, В. О'Реган, Р. Пэрис, Е. Рефайе, Т. Рорер, А.Б. Ряпосова, О. Санта Ана, Н.А. Санцевич, Е. Семино, Т.Г. Скребцова, А.В. Степаненко, А.М. Стрельников, Дж.

Торнборроу, Ю.Б. Феденева, И. Хеллстен, Р. Хюльсе, А. Ченки, П. Чилтон, Н.М. Чудакова, А.П. Чудинов, Й. Цинкен, О.А. Шаова, К. Шеффнер и др.). Подробный анализ современных исследований по концептуальной метафоре в политическом дискурсе представлен в [Будаев, Чудинов 2006].

Ментальные пространства не тождественны концептуальным доменам. Ментальное пространство - это относительно небольшой "концептуальный пакет", который эксплицитно заимствует из концептуального домена только часть структуры и конструируется для понимания конкретной ситуации или действия [Turner, Fauconnier 1995: 184]. Применительно к метафорам исследователи нередко используют понятие "исходный домен" (input domain), что является научным термином-блендом, совмещающим идеи теории концептуальной метафоры и теории концептуальной интеграции.

Общее пространство содержит наиболее абстрактные элементы (роли, фреймы и схемы), присущие обоим исходным пространствам, т.е. выступает основанием метафоризации на самом абстрактном уровне. В бленде "смешиваются" детали исходных пространств, в результате чего образуется качественно новая концептуальная структура, которая больше не зависит от исходных пространств и имеет собственные потенции к дальнейшему развитию. По метафорическому выражению исследователей бленд "живет своей собственной жизнью" [Turner, Fauconnier 2000: 137].

Такой подход можно продемонстрировать на примере некогда популярной в Вашингтоне политической метафоры: "Если бы Клинтон был Титаником, то утонул бы айсберг" [Turner, Fauconnier 2000: 133-134]. В рассматриваемом бленде осуществляется концептуальная интеграция двух исходных ментальных пространств, в котором президент соотносится с кораблем, а скандал с айсбергом. Бленд заимствует фреймовую структуру как из фрейма "Титаник" (присутствует путешествие на корабле, имеющем пункт назначения, и столкновение с чем-то огромным в воде), так и каузальную и событийную структуру из известного сценария "Клинтон"

(Клинтон *уцелел*, а не *потерпел крушение*). В рассматриваемом примере общее пространство включает один объект, вовлеченный в деятельность и побуждаемый к ней определенной целью, который сталкивается с другим объектом, представляющим огромную опасность для деятельности первого объекта. Очевидно, что в общем пространстве результат этого столкновения не предопределен. Междоменная проекция носит метафорический характер, однако смешанное пространство обладает каузально-событийной структурой, не выводимой из фрейма источника. Если метафорические инференции выводить только из ментального пространства-источника, то Клинтон должен потерять президентский пост. Полученные инференции не выводятся и из пространства-цели. В бленде появляется новая структура: Титаник все-таки не потопляем, а айсберг может утонуть. Эта "невозможная" структура не доступна из исходных пространств, она конструируется в бленде и привносит совершенно новые, но понятные инференции.

Как показывает представленный обзор, когнитивный подход к анализу метафоры занимает ведущее положение в современной метафорологии, но очень многие аспекты когнитивной теории по-прежнему остаются дискуссионными. Предложенная Дж. Лакоффом и М. Джонсоном теория получила широкое признание в мировой науке и нашла многостороннее применение в практических исследованиях, вместе с тем эта теория активно развивается и интерпретируется во многих научных школах и направлениях, получая новые импульсы к эволюции в рамках различных методологических установок.

Дж. Вико был одним из первых, кто отметил, что на заре цивилизации и формирования языка первобытный человек мог изъясняться только с помощью поэтических выражений. Вико считал, что все слова с переносным значением могут быть разделены на четыре части: метафора, метонимия, синекдоха и остальные, образующие раздел «прочие». Язык метафорических образов представляет собой первичный языковой код, а метафора выступает как инструмент первичной когнитивной функции сознания, определяющий

так называемое рациональное мышление и формирование концептуальных представлений. Особенность метафорических словоупотреблений первобытного человека заключалась в том, что процесс их формирования базировался на абсолютной тождественности семантических значений. Согласно Вико, при таком отождествлении не могло существовать разницы между составляющими основу метафорического переноса главным и вспомогательным субъектами, при наименовании они использовались как равноправные языковые единицы.

1.3. Метонимия, синекдоха и ирония

В дальнейшем, по мере формирования абстрактного мышления, стали развиваться метонимия, синекдоха и ирония. Только с появлением последней, по мнению Вико, стала осознаваться разница между реальным положением дел в действительности и субъективным его отражением на уровне сознания, определилось разграничение между конкретным и метафорическим субъектами, наметилось представление о существовании различий между объектами.

Ф. Ницше также провозглашал когнитивное значение метафоры. Он считал, что познание в принципе метафорично, имеет эстетическую природу и не оперирует понятием верифицируемости. «Нет никакого «реального» выражения или «реального» знания без применения метафоры, но и тут еще остаются иллюзии [...] знание – это не что иное, как работа с любимыми метафорами, подражание, которое не должно считаться больше подражанием» [Ницше Ф., 1990, с. 319]. Ф. Ницше рисует картину того, как язык создает постоянный поток концептуальных договоренностей, через которые в язык проникают новые метафоры. Они постепенно становятся общепринятыми, затем постепенно достигают пределов общепринятости. В этом процессе старые метафоры образуют рамки, внутри которых могут рождаться новые метафоры.

Начало современным когнитивным дискуссиям положили исследования Э. Кассирера, немецкого философа, о символических формах в человеческой культуре. В небольшой книге «Язык и миф» Кассирер в сжатой форме изложил основные положения своей концепции, подытожил свои воззрения в разделе «Сила метафоры». Кассирер обращается к этапу дологического мышления, отложившегося в языке, мифологии, искусстве, религии. В языке выражены как логические, так и древнейшие, мифологические формы мышления. Рефлексы мифологических представлений о мире Кассирер искал и находил в метафоре. Он указывал на эвристические возможности метафоры, на её моделирующую роль: метафора не только формирует представление об объекте, она также предопределяет способ и стиль мышления о нём. Особая роль в этом принадлежит ключевым (базисным) метафорам, задающим аналогии и ассоциации между разными системами понятий и порождающими более частные метафоры.

Кассирер различал два вида ментальной деятельности: метафорическое (мифо-поэтическое) и дискурсивно-логическое мышление. Дискурсивно-логический путь к концепту состоит в ряде постепенных переходов от частного случая к более широким классам, то есть «речь идет о концентрическом расширении круга» [Кассирер Э., 1990, с. 37]. Приняв в качестве отправной точки какое-либо эмпирическое свойство предмета, мысль пробегает по всей области бытия (отсюда термин «дискурсивное мышление»), пока искомый концепт не достигнет определённости. Это путь формирования понятий и законов естественных наук. Их цель – превратить «рапсодию ощущений» в свод законов.

В работе Блэка введённые в обращение Ричардсом понятия «оболочки» метафоры (“vehicle”) и её «содержания» (“tenor”) получили дальнейшую интерпретацию. Вслед за Ричардсом Блэк выделяет в структуре метафоры два субъекта: буквальный главный субъект (“principal subject”) и метафорический вспомогательный субъект (“subsidiary subject”), которые он

рассматривает как цельные системы. У Блэка как основной, так и вспомогательный субъекты имеют свои концептуальные системы связанных с ними общепринятых ассоциаций или ассоциируемых импликаций (“a system of associated commonplaces”). Ричардс не уточнил рамки значения термина «оболочка»: к чему именно относится этот термин – к собственно метафорическому образу или к системе характеризующих его метафорических значений. Как стало видно, Блэк для прояснения этого вопроса вводит два понятия: вспомогательного субъекта для презентации метафорического образа и систему связанных с ним общепринятых ассоциаций или ассоциируемых импликаций в качестве предикативной составляющей его метафорического значения.

У Блэка метафора перешагнула через уровень слов и перешла к связанной с ними совокупности общепринятых знаний и представлений. Метафора представляет собой взаимодействие двух концептуальных систем в целях применения к главному субъекту системы ассоциируемых импликаций, т. е. общепринятых ассоциаций, связанных со вспомогательным субъектом, или в некоторых случаях нестандартные импликации, установленные автором *ad hoc*. Главный субъект как бы просматривается через «фильтр» импликаций вспомогательного субъекта таким образом, что вспомогательный субъект «отбирает, выделяет, скрывает и организует характерные черты главного субъекта», в результате образуется новое, не сводимое к сумме компонентов значение. (Фокусировка черт, релевантных для метафорического синтеза, создаётся рамкой контекста). Тем самым природой метафоры Блэк считает взаимодействие семантических пространств, относящихся к двум различным объектам [Блэк М., 1990, с. 156].

К заслуге М. Блэка можно отнести анализ языковой метафоры в рамках мыслительной деятельности, осознание и несводимость ее содержания к имеющимся в языке буквальным средствам номинации, а также

рассмотрение метафоры как динамического явления, которое, формируясь в движении мысли, развивает концептуальный аппарат языка. Теория Блэка оказала мощное влияние на дальнейшие исследования метафоры в рамках интеракционистского направления (М. Хессе, М. Арбиб, Е. Китти, Е. К. Уэй, С. С. Гусев и др.), позволившие выявить философско-гносеологическую роль метафоры в научном мышлении. Блэка можно считать зачинателем когнитивной или концептуальной теории метафоры.

В теории когнитивной метафоры концептуальная метафора рассматривается как один из способов концептуализации (организации и обобщения человеческого опыта), позволяющий осмыслить один объект через другой и в этом смысле является одним из способов репрезентации знания в языковой форме. Метафора обычно относится не к отдельным изолированным объектам, а к сложным мыслительным пространствам (областям чувственного или социального опыта). В процессах познания эти сложные непосредственно ненаблюдаемые мыслительные пространства соотносятся через метафору с более простыми или с конкретно наблюдаемыми мыслительными пространствами (например, человеческие эмоции сравниваются с огнём, сферы экономики и политики – с играми, спортивными соревнованиями и т.д.). В подобных метафорических представлениях происходит перенос концептуализации наблюдаемого мыслительного пространства на непосредственно ненаблюдаемое, которое в этом процессе концептуализируется и включается в общую концептуальную систему данной языковой общности. При этом одно и то же мыслительное пространство может быть представлено посредством одной или нескольких концептуальных метафор [Кубрякова Е. С., 1996, с. 55].

Большинство направлений изучения метафоры в американском, западноевропейском и русском языкознании опираются на теорию концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона, лингвистические изыскания которых подтвердили интуиции философов романтической

традиции А. Гумбольдта, Ф. д.э. Шлейермахера, Ф. Ницше и др. о метафорической основе естественного языка.

Дж. Лакофф и М. Джонсон в своей работе “Метафоры, которыми мы живем” (1980) показали, что метафоры пронизывают не только язык, но и мышление, являясь его неотъемлемыми свойствами, атрибутами. Метафора выступает важнейшим инструментом категоризации мира в целом и отдельных предметных областей, структурирования восприятия и чувственного опыта. Благодаря метафоре мы можем свести абстрактные понятия к нашему физическому, чувственному опыту в его связи с внешним миром, то есть понятийная система метафорична по своей сути. Метафорическое понятие является посредником между репрезентацией мира в понятиях и нашим сенсорным опытом. Отмечается, что человеческий опыт (пространственный, эмоциональный, ментальный, социальный, культурный) различен у представителей разных культур, следовательно, различны репертуары концептуальных метафор и различается лежащий в их основе когнитивный процесс. Индивидуальные различия представителей одной и той же культуры также оказывают влияние на создание и восприятие

По сравнению с областью-мишенью, область-источник обычно интуитивно понятнее, конкретнее, известна через непосредственный физический опыт, известна более детально, легче передаётся одним человеком другому (легче указывать на окружающие физические предметы, чем на абстрактные сущности). Например, абстрактное понятие «спор» осознаётся через конкретное понятие «война», где все действия, ранения, победы и поражения можно ощущать реально. Понятие и деятельность упорядочиваются метафорически, следовательно, и язык упорядочивается метафорически. Таким образом, согласно теории концептуальной метафоры, метафора не ограничивается только сферой языка. Метафора по природе – не языковое, а концептуальное явление. Метафоры заложены в самой

понятийной системе мышления человека и представляют собой особого рода схемы, по которым человек думает и действует.

Области, связанные с метафорой, асимметричны, неравны. Метафора «любовь – это путешествие» распространена в ряде культур, а «путешествие – это любовь» не встречается, поскольку физические события не понимаются через абстрактные.

Метафоры сосредотачивают внимание на избранных аспектах сравнения. Например, метафора «время – деньги», характерная для американской культуры, сосредотачивается на функции денег, а не на размере купюр или материале, из которого она сделана. Метафоры функционируют на разных уровнях конкретности, некоторые на высшем, более общем уровне, а другие на более конкретном.

«Любовь – это путешествие» более конкретный вариант общей метафоры «событие – это перемена местонахождения».

Метафоры высокого уровня пользуются большей универсальностью, проявляются в разных языках и культурах, а метафоры более низкого уровня – культурно специфические. Метафору «любовь – это путешествие» можно найти в разных культурах и языках, но метафора «любовь – это игра в бейсбол» характерна для США [Ченки А., 2002, с. 352].

1.4. Принцип инвариантности в когнитивной теории метафоры

Один из центральных тезисов в когнитивной теории метафоры – принцип инвариантности. Согласно этому принципу, метафорический перенос не произволен: существует некое содержание, инвариантно присутствующее в областях источника и цели, которое составляет основание переноса. Важно, что семантическое сходство существует не только между отдельными понятиями этих двух областей, но и между отношениями понятий. Это инвариантное содержание представляется как образ-схема (повторяющийся динамический образец наших процессов восприятия и

наших моторных программ, который придаёт связанность и структуру нашему опыту), присущая как одной, так и другой области.

Дж. Лакофф и М. Джонсон различают следующие основные типы метафор, задающие аналогии и ассоциации между разными системами понятий и порождающие частные:

1. Структурные (structural) метафоры концептуализируют отдельные области путем переноса на них структуризации другой области. Другими словами, в структурной метафоре один концепт структурируется через призму другого. Метафора понимается как перенос из области-источника в область — цель. Область-источник область-цель argument переносится на War

2. Онтологические (ontological) метафоры категоризируют абстрактные сущности путем очерчивания их границ в пространстве. Мы используем онтологическую метафору для постижения событий, действий, занятий и состояний. События и действия метафорически осмысливаются как объекты, занятия как вещества, состояния как вместилища. Суть вместилища – это граница, отделяющая внутренность от внешней среды. Обычно вместилище защищает свое содержимое от внешнего мира. Это понятие определяет базовое различие между «в» и «из». человек постоянно находится в определенном пространстве – он входит в здания, машины и другие помещения и выходит из них. По аналогии с этими помещениями мы воспринимаем чувства, эмоции, состояния: можно упасть в обморок, быть в бессознательном состоянии, в одиночестве, прийти в себя и т.д. Это движение и местонахождение – метафорические.

3. Метафора «канал связи/передача ин — формации» (conduit metaphor) представляет процесс коммуникации как движение смыслов, «наполняющих» языковые выражения (вместилища), по «каналу», связывающему говорящего и слушающего. языковые выражения

представляют собой контейнеры, в которые в процессе коммуникации помещается информация, представленная в виде мыслей, суждений.

4. Ориентационные (orientational) метафоры структурируют несколько областей и задают общую для них систему концептуализации; они в основном связаны с ориентацией в пространстве, с противопоставлениями типа «вверх – вниз», «внутри – снаружи», «глубокий – мелкий», «центральный – периферийный» и др. Так, в английском языке «счастье, здоровье, сознательное, рациональное» описывается через метафору «наверху», «сверху», «вверх» (up), тогда как «несчастье, болезнь, смерть» – через метафору «внизу», «вниз» (down).

5. Метафора «контейнер» (container metaphor) представляет смыслы как «наполнения контейнеров» – конкретных языковых единиц. Лакофф, Джонсон выделяют здесь три подтипа: метафоры, связанные с движением: “to be in the clearing” – “to be out of clearing”; метафоры визуального поля: “coming into view”; метафоры действий, событий, различных видов деятельности: “I put a lot of energy into washing the windows.” из примеров следует, что конкретные языковые единицы обозначают абстрактные сущности.

6. Метафора «конструирование» (blockbuilding metaphor) представляет смысл крупных речевых произведений как «конструкцию» из более мелких смыслов [Кубрякова Е. С., 1996, с. 56].

Таким образом, мы видим, что в когнитивной классификации метафоры важнейшую роль играют психологические концепты, основанные на нашем опыте. Классификация, представленная в рамках когнитивного подхода, основывается на психологических категориях, она является семантической по своей сути.

Выдающийся лингвист Н.Д.Арутюнова указывает, что когнитивные метафоры возникают в любых видах дискурса и разных функциональных

стилях, что связано, прежде всего, с особенностями сенсорных механизмов и их взаимодействием с психикой, позволяющим человеку сопоставлять, казалось бы, несопоставимые понятия [Арутюнова Н.Д., 1990, с. 17].

Таким образом, мы видим, что метафоры помогают нам в «оязыковлении» новых понятий и явлений; позволяют лучше представить и освоить новшества, которые стремительно и постоянно входят в нашу жизнь, становясь ее неотъемлемой частью. Как показывает проведенный обзор, именно когнитивная метафора является ключевой для формирования языковой картины мира.

Метафора играет большую роль в мыслительной деятельности человека и в языке. Она является одним из способов отражения языковой картины мира целого народа. Аристотель говорил, что метафора – это имя, переносимое с рода на вид или наоборот, т.е. в основе изучения метафоры лежит идея метафорического переноса [Аристотель 1983]. В работах современных авторов по изучению метафоры выделяются два принципиально различных направления – семантическое и когнитивное. Семантическое направление представлено в работах М. Блэка, Дж. Серля, Д. Ротбарта, Е. Киттея и др. [цит. по Петров 1990: 137]. Согласно И. Блэку, образование метафоры предполагает изменение значения исходного выражения, другими словами, экстенсивное расширение значения слова до нового значения, которое является метафорическим. Метафора присуща всем языкам и во все эпохи, так как она охватывает все аспекты языка, обнаруживаясь во всех его функциональных разновидностях. Именно в этом, по мнению В.Н. Телия, и заключается универсальность метафоры в пространстве, во времени, в структуре языка и в его функционировании [там же 127-128].

М. Блэк конкретизировал идею метафорического переноса путем использования понятия «фильтрации». При образовании метафоры «*A есть B*», например «человек – волк», ассоциируемые общие места (associated

commonplaces) В пропускаются через «фильтр» ассоциируемых общих мест с А. В результате на первый план выносятся вполне определенные характеристики, в данном примере – жестокость и агрессивность. Несколько иной позиции придерживается Дж. Серль, полагающий, что перенос семантического содержания в метафорических выражениях должен рассматриваться в рамках более общей модели выведения значения. Дж. Серль проводит разграничение между значением предложений самих по себе и тем реальным значением, которое вкладывает говорящий в высказывание. Именно «значение говорящего» отождествляется им с метафорическим значением. С его точки зрения, выделение принципов, объясняющих, каким образом, употребляя «S есть Р», я полагаю в действительности, что «S есть R», достаточно для объяснения процесса метафоризации. Однако эти теории не проясняют основной вопрос, на каком основании из множества характеристик Р мы вычленим те характеристики R, которые проецируем на S [Searle 1969].

В этом плане более интересным является подход Д. Ротбарта, с точки зрения которого в метафорическом переносе «задействовано» не все буквальное значение, а только его отдельные фрагменты. Д. Ротбарт выделяет в структуре понятий семантические постоянные и семантические переменные. Семантические постоянные передают наиболее существенные свойства семантики понятий. С позиций Д.Ротбарта, необходимым условием успешности метафорического переноса является именно участие семантических постоянных.

Объяснение такого механизма образования метафор потребовало привлечения иной концепции значения – теории семантического поля. Исследуя метафорический перенос на основе концепции значения как семантического поля, Е. Киттей говорит о переносе из одного структурированного семантического поля в другое структурированное поле, хотя выбор проецируемых характеристик остается неясным.

Осмысление образного значения – процесс сугубо индивидуальный, субъективный. По мнению И.Р. Гальперина, в метафоре представлено соотношение предметно–логического и концептуального значений, которые основаны на сходстве признаков двух понятий [Гальперин 1987: 135].

Метафора в этимологическом аспекте рассматривается как средство обозначения того, чему нет названия, т.е. как средство создания художественности. Вместе с тем, этот подход не определяет всех употреблений метафоры, так как метафора возникает в силу глубинных особенностей человека, обусловленных его мышлением. Метафора присуща как человеческому мышлению, так и языку в целом.

Идея метафорического переноса – это тот фундамент, в основе которого лежит расплывчатость понятий, которыми человек оперирует, отражая в своем сознании вечно изменяющуюся действительность. По мнению Э. Маккормака, метафора не уменьшается, а расширяется с развитием языка, поэтому любое первоначально метафорическое обозначение, утрачивая свой метафорический характер, не свидетельствует об общей демегафоризации языка, так как и в разговорной речи, и в художественной литературе процесс создания метафор постоянен и непрерывен [Маккормак 1990: 158].

Одним из наиболее важных путей метафорического переноса является путь от конкретного к абстрактному, от материального к духовному, что говорит о том, что метафора делает абстрактное легче воспринимаемым. Метафора присутствует не только в повседневной жизни, но и лежит в основе понятий многих наук. Люди наделяют понятия особыми свойствами, некой двойной природой, в зависимости от переживаний, опыта, настроения, интеллекта, что подтверждает не только гибкость человеческого разума, но является необходимым для постижения окружающей нас действительности.

Формальный аспект метафоры проявляется наиболее четко на уровне словообразования, морфологии и различных конструкций и словосочетаний. Например, аналитические конструкции с предлогом “as, like” могут

использоваться для создания метафорических моделей – это различные средства выражения уподобления, сравнения.

Если принимать во внимание взаимосвязь между формой и значением, то говорят о двух типах метафоры:

- полная метафора – формирование переносного значения не связано ни с какими изменениями структуры слова;

- частная – образование нового значения связано с морфологическими изменениями в слове при добавлении аффиксов к основе, которая используется в переносном значении [Смирницкий 1956: 145].

По мнению Е.В. Рахилиной, метафорический перенос есть особая трехчленная структура: И-П-Р, где И – исходное слово; П – промежуточное понятие, общее для исходного и результирующего слова; Р – результирующее слово [Рахилина 1997: 375].

Говоря о функциональном аспекте метафоры, необходимо определить две стороны, связанные между собой – это использование метафор в языковой системе как средство номинации и их употребление в различных функциональных стилях. Необходимо отметить четыре способа номинации, то есть создания обозначения для нового объекта:

1. Словообразование.
2. Переосмысление.
3. Словосочетание.
4. Заимствование [Петров 1990: 138].

Когнитивная лингвистика обозначила новый подход к пониманию языка как общего когнитивного механизма и человеческого разума в целом. Один из основоположников когнитивизма Дж. Лакофф выдвинул следующие положения, существенно отличающиеся от традиционных взглядов на разум и мышление:

Мышление есть реальная физическая субстанция. Мышление использует образы, то есть метафору, метонимию, ментальную образность, что позволяет нам абстрактно мыслить. Мышление не просто использует

абстрактные символы, но его эффективность зависит от некой общей концептуальной системы. Мышление обладает свойствами гештальта.

В концептуальной системе человеческого мышления, основанного на телесном опыте, метафора используется для объяснения сложных явлений, связанных с когнитивной деятельностью человека, при помощи более простых явлений. По мнению Дж. Лакоффа и М. Джонсона, **аналогия**, а не формальные процедуры, такие как дедукция и индукция, занимает главную позицию в наших повседневных выводах. В основе аналогии – перенос знаний из одной содержательной области в другую, и метафора – это языковое отражение крайне важных аналоговых процессов. Перенос знаний происходит на основе ассоциаций, которые представляют собой «связь, образующуюся при определенных условиях между двумя и более психическими образованиями, такими как ощущение, двигательные системы, восприятия, представления, идеи» [СЛТ 2006: 188].

Дж. Лакофф, критически оценивая традиционное определение метафоры как «новое поэтическое выражение, в котором одно или несколько слов употребляются вне общепринятого значения для того, чтобы выразить подобное явление», считал, что метафорическое выражение порождает не язык, а наше сознание, что привело его к формированию принципиально нового определения: «Метафора – пересечение ряда понятийных областей в концептуальной сфере. Сущность метафоры состоит в переосмыслении и переживании явлений одного рода в терминах другого рода». Если понятийная система человека упорядочивается и определяется метафорически, следовательно, даже сами процессы его мышления имеют метафорический характер [Лакофф 1990: 205, 210].

В когнитивном аспекте метафора рассматривается как эволюционный познавательный механизм, объединяющий мозг, разум и культуру в их творческом создании мира. Более того, по мнению Э. Маккормака, возникновение метафоры предполагает два уровня: семантический и когнитивный, причем в основе семантического образования лежит

когнитивный процесс. Он полагает, что существуют три уровня объяснения идеальных конструкций когнитивного процесса, порождающего метафору:

Уровень 1: познание

Уровень 2: семантика и синтаксис

Уровень 3: поверхностный язык.

Эти иерархические уровни способствуют пониманию когнитивного процесса, создающего метафору [Маккормак 1990: 153].

Когнитивная теория метафоры берет за основу следующий тезис: когнитивные структуры «источника» и когнитивные структуры «цели» образуют базис для метафоризации, в процессе которой происходит так называемая метафорическая проекция, то есть структурирование области цели по образцу источника, что проявляется на уровне семантики предложения и текста в виде метафорических следствий. Например, метафора «любовь (цель) – это путешествие (источник)», основу которой составляет «постоянное движение отношений вперед», что является частью фрейма «путешествие» [Лакофф 1990: 205]. А.Н. Баранов полагает, что такую ситуацию можно представить термином «фрейм», так как при метафоризации речь идет о фрейме, значимые компоненты которого переносятся в структуру другого фрейма [Баранов 2003: 77].

ГЛАВА II.

КОГНИТИВНАЯ ТЕОРИЯ МЕТАФОРЫ

Перед философами и психологами стоит задача предложить такое описание метафоры, которое бы объясняло, каким образом можно понять соположение референтов, нормально никак не связанных. Хотя всего лишь десятилетие назад велись энергичные дебаты по поводу законности метафор, в настоящее время взгляд на метафоры как на необходимый инструмент познания столь повсеместно принят, что обсуждаться стал уже вопрос о том, каким образом их можно адекватно описать и истолковать. Нам нужно, в частности, понять, каким образом Джон Донн соединил «сонеты» и «погребальные урны» в своем знаменитом стихотворении «Канонизация».

We'll build in sonnet ts pretty roomes; As well a well
wrought urne becomes The greatest ashes as halfe-acre
tombes And by these hymnes all shall approve Us
Canoniz'd for Love.

[Мы построим в сонетах красивые покои;
Подобно тому, как урна, сделанная рукой мастера, может упокоить
Прах великих не хуже, чем огромное надгробье,
Так и по этим гимнам о нас будут судить
Как о достойных любви (букв, 'канонизированных благодаря
любви').]

Что дало Донну возможность совместить понятия «сонетов» и «погребальных покоев»? Обычно в связи с сонетами у нас возникают такие семантические ассоциации, как «писать» и «поэзия», а вовсе не погребальные урны. В ходе определенного когнитивного процесса Донн исследовал различные участки своей долговременной памяти, обнаружил эти два референта, установил между ними осмысленное взаимоотношение и, наконец, породил метафору. Ученые, как и поэты, также порождают новые метафоры в ходе процесса познания, когда Хотят предложить новую

гипотезу. Кеннет Джонсон ввел в высшей степени умозрительную метафору цветных кварков (красных, синих и желтых), прокомментировав ее следующим образом: «Цвет кварка не имеет ничего общего с видимым цветом. Слово *цвет* употреблено потому, что способ соединения цветных кварков в квантовой механике напоминает сочетания видимых цветов». Физики, пытающиеся объяснить свойства теоретических частиц, поняли аналогию между цветом и возможными свойствами кварков.

2.1. Метафора как познавательный процесс.

Для того чтобы объяснить метафору как некоторый познавательный процесс, следует предположить существование глубинных структур человеческого разума в качестве устройства, порождающего язык. Когда я говорю о «существовании» глубинных структур, я имею в виду «существование» в смысле идеальной конструкции, а не в смысле реальных биологических механизмов. Путем определенных иерархически организованных операций человеческий разум сопоставляет семантические концепты, в значительной степени несопоставимые, что и является причиной возникновения метафоры. Метафора предполагает определенное сходство между свойствами ее семантических референтов, поскольку она должна быть понятна, а с другой стороны, несходство между ними, поскольку метафора призвана создавать некоторый новый смысл, то есть обладать суггестивностью. Я расположил эту иерархию идеальных конструкций на двух уровнях глубинных структур: на семантическом и на когнитивном. Эти уровни не взаимоисключающие; они постулируются для того, чтобы продемонстрировать мое убеждение, что в основе семантического процесса лежит процесс когнитивный. Я не отождествляю эти два процесса, поскольку допускаю существование невербальных когнитивных функций, подобных тем, что позволяют художникам выражать свои чувства и представления, не прибегая к словам.

Поверхностный язык в виде реальных метафор - «Сонеты — красивые покои» и «Кварки имеют цвет» — существует на самом вершине иерархии

идеальных конструкций. Он не избегает взаимодействия и с более глубокими структурами семантики и познания. Поверхностный язык играет важную роль, обеспечивая контекст для интерпретации, особенно в том, что касается определения значения семантических компонентов метафоры. Только для человека, знакомого с теорией кварков в той степени, которая позволяет оценить аналогию между комбинацией цветов и взаимодействием кварков, «цветные кварки» — это нечто большее, чем простая бессмыслица.

В качестве не исключających друг друга идеальных конструкций когнитивного процесса, порождающего метафору, я постулирую следующие три уровня объяснения:

уровень 1: Поверхностный язык

уровень 2: Семантика и синтаксис

уровень 3: Познание.

Эти иерархические уровни могут также рассматриваться как эвристические механизмы, способствующие пониманию когнитивного процесса, создающего метафору. Мыслительный процесс, представленный в идеальных конструкциях этими тремя уровнями, соотносит их друг с другом при производстве метафор и при помощи более общего процесса, который я называю «процессом познания». Рассматриваемые изнутри, метафоры функционируют как когнитивные процессы, с помощью которых мы углубляем наши представления о мире и создаем новые гипотезы. Рассматриваемые извне, они функционируют в качестве посредников между человеческим разумом и культурой. Новые метафоры изменяют повседневный язык, которым мы пользуемся, и одновременно меняют способы нашего восприятия и постижения мира. По мере того как метафоры входят в общий обиход, увеличивается объем словарных статей. Метафоры нередко угасают или умирают, становясь расхожей монетой. Поскольку метафоры меняют язык, они играют определенную роль в культурной эволюции. Оказывая влияние на наше поведение, метафоры могут играть свою роль и в биологической эволюции. Включенность в эти параллельные, но

различные типы эволюции позволяет считать метафору интегральной частью того, что некоторые исследователи, например, Дональд Т. Кэмпбелл, называли «эволюционной эпистемологией».

Предложенная экспликация метафоры, основанная на иерархии глубинных структур, немедленно сталкивается с проблемой порочного круга. Можно ли надеяться что-либо объяснить, если объяснение, призванное способствовать пониманию метафоры как когнитивного процесса, исходит из того, что этот самый когнитивный процесс обеспечивает организацию упомянутых трех уровней? Полностью устранить эту порочность нельзя, но ее можно несколько смягчить.

Данный порочный круг того же рода, что и возникающий при попытках определить природу «значения», избегая «значения» в самом определении. Я пытаюсь смягчить порочность определений путем постулирования границы между двумя видами языка на уровне 1: обычный язык, который буквален, и метафорический язык, который я считаю фигуральным, или небуквальным. Существование буквального языка, отличного от метафор, обеспечивает общий объективный фон, позволяющий судить о значении и частичной истинности метафор. Эта независимость буквального языка от когнитивного процесса метафоризации освобождает суждения о метафоре от порочного круга, когда исследователь использует процесс, который он стремится объяснить, в качестве сути самого объяснения. Полностью избежать этого, однако, невозможно, поскольку, как я уже отмечал, значение референтов метафоры нередко может быть определено только путем обращения к контексту метафоры в поверхностном языке (уровень 1).

Мы обнаруживаем сходную ситуацию, когда осознаем, что любая объяснительная теория метафоры неизбежно предполагает лежащую в основе «базисную метафору», на которой строится объяснение. Базисные метафоры — это исходные теоретические представления о природе метафоры, постулируемые теоретиками, такие, как «метафора представляет

собой противоречие, если понимается буквально» (теория контроверзы) или «метафора — это аналогия» (теория сравнения). Мы снова не можем полностью избавиться от круга, ибо, решая задачу построения нетривиальной объяснительной теории метафоры, должны исходить из того, что метафора частично совпадает с тем, чем она в буквальном смысле слова не является; признание того, что теории метафоры предполагают лежащие в основе базисные метафоры, не влечет с необходимостью вывод о том, что сам язык должен быть целиком метафоричным. Это не следует из признания того, что теории метафоры сами по себе метафоричны. В другом месте я приведу подробную аргументацию в пользу того, что эти два тезиса можно с успехом разграничивать, а также того, что игнорирование различий между метафорами и буквальным способом выражения не только затрудняет понимание природы метафоры, но и не гарантирует теорию от ассоциаций с малопривлекательной релятивистской теорией истины.

Из моего тезиса о существовании буквального языка вытекают важные следствия для всей теории метафоры, включая природу значения метафоры, ее истинностное значение и ее роль как посредника между разумом и культурой.

Пожалуй, наиболее спорным положением теории метафоры, выдвигаемой в настоящем исследовании, можно считать мое убеждение в том, что оптимальным способом представления глубинных структур на уровнях 2 и 3 являются абстрактные репрезентации. К преимуществам этого положения следует отнести универсальность математических структур и большую точность выражения по сравнению со средствами естественных языков. Стремясь к достижению максимальной точности при подходе к явлению, обладающему внутренней неопределенностью, я прибегнул к помощи таких точных и одновременно гибких формальных структур, как нечеткие множества и многозначные логики. Пользуясь абстракциями для описания глубинных структур, я не претендую на большую объективность по сравнению с мета-языком, в котором для объяснения метафоры

используются слова обычного языка. Формальный язык, употребляемый в формальных структурах, дает некоторый альтернативный способ выражения, позволяющий сконструировать частичный визуальный образ организации естественного языка. Представьте себе иерархическую сетку в лмерном пространстве с нечетким множеством в каждом из узлов (то есть множеством, члены которого могут принадлежать ему частично, а не по принципу или/или). Каждое нечеткое множество определяет слово. Некоторые из слов, определяемых нечеткими множествами, представляют собой категории, описывающие объекты и события физического мира. Образ этой формальной структуры во многом напоминает модели, используемые химиками для представления молекул. Образ лишь частично отражает интуитивные представления о языке, поскольку трудно представить себе более чем три измерения, а я постулировал гамерное пространство.

Мое принятие формальных абстракций, иерархически организованных квазиматематическим образом, отражает господствующее в настоящее время метафорическое представление о вычислительной работе как основе познания. Этому представлению соответствует предлагаемый далее анализ компьютерной метафоры. Предлагаемая трактовка компьютерной метафоры служит иллюстрацией к проблемам метафоры и, кроме того, подводит читателя к основному положению настоящего исследования, а именно к тезису о том, что сама метафора объясняется наилучшим образом, если рассматривать человеческий разум как компьютерный механизм. Согласно этому представлению, метафоры являются результатом воздействия определенного когнитивного процесса на формальные семантические структуры. Этот когнитивный процесс в значительной части, особенно в том, что касается его творческих аспектов, пока не ясен, однако я указываю на некоторые компоненты этого процесса, в частности, на организацию памяти, необходимую для того, чтобы допустить необычное соположение референтов, которое мы находим в метафорах. В результате обсуждения

различных возможностей я прихожу к заключению, что вероятность найти в настоящее время алгоритмическое описание творческого когнитивного процесса, при помощи которого порождаются метафоры, относительно мала. Однако невозможность полного объяснения метафоры только посредством формальных абстракций не ставит под сомнение применимость абстрактных структур к тем аспектам создания метафор, которые поддаются соответствующему объяснению. Таким образом, мое объяснение метафоры было бы правильнее считать квазиформальным, чем полностью формальным. Если бы мне удалось построить алгоритмы для универсального производства метафор, я, может быть, свел бы метафору к рекурсивной функции, но творческий аспект метафоры и ее часто неожиданная вариативность, как кажется, этому сопротивляются. Я бы также рискнул утверждать, что свойства неведомого могут быть не только предсказаны, но и выведены дедуктивным способом. Я разделяю представление Канта о границах концептуализации, и это позволяет мне удовлетвориться моим квазиформальным подходом к описанию метафоры. Использование квазиформальной иерархической структуры для объяснения метафоры сходно с использованием математической модели для репрезентации события или ощущения. Сначала следует принять решение использовать математическую модель, а затем уже решать, какой именно моделью воспользоваться. Я пришел к заключению о том, что формальная структура будет полезной при объяснении глубинных аспектов когнитивного процесса, порождающего метафоры, и после этого сделал выбор, остановившись на некоторой квазиформальной структуре, связанной с сетками, иерархией и нечеткими множествами.

С тем же успехом я мог бы выбрать другую формальную структуру со всеми ее преимуществами и недостатками. Моя модель ставит своей задачей разрешение проблем, связанных с семантическим сдвигом, необходимым для порождения метафор, и я надеюсь, что в целом преуспел в этом предприятии.

Что касается отношения к стандартным теориям метафоры, то мою теорию можно было бы назвать формальной версией интер-акциональной теории метафоры, которую обычно связывают с именем Макса Блэка. Я пытаюсь доказать, что метафора есть результат когнитивного процесса, который сопоставляет два (или более) референта, обычно не связываемых, что ведет к семантической концептуальной аномалии, симптомом которой обычно является определенное эмоциональное напряжение. Концептуальный процесс, порождающий метафору, распознает как сходные свойства референтов, на которых основывается аналогия, так и несходные, на которых строится семантическая аномалия. Степень сходства и несходства определяет истинностное значение метафоры. Я использую четырехзначную логику для выражения таблицы истинности, так что предполагается более подробная классификация метафоры, чем только определение в терминах истинности/ложности, предусматриваемое стандартной формой двузначной логики. Я отвергаю тезис сторонников «контroversальной теории метафоры», согласно которому метафоры, понимаемые буквально, непременно выражают ложь.

Как я стараюсь показать, восприятие метафор как помогающих проникнуть в суть вещей и как передающих частичные истины вовсе не обязательно предполагает первоначальное понимание метафоры как намеренного выражения лжи.

Метафора может описываться как процесс в двух смыслах: (1) как когнитивный процесс, который выражает (express) и формирует (suggest) новые понятия, и (2) как культурный процесс, посредством которого изменяется сам язык. Чтобы прояснить эти процессы, я воспользуюсь предложенным Филиппом Уилрайтом разграничением между эпифорами и диафорами. Уилрайт характеризует эпифоры как такие метафоры, в которых экспрессивная функция превалирует над суггестивной. В диафорах, напротив, суггестивная функция преобладает над экспрессивной. Поскольку в основе метафоры лежат как сходства, так и несходства между свойствами

ее референтов, в любой метафоре присутствует и эпифорический и диафорический элементы. Метафора, в большей степени связанная со сходством между свойствами ее референтов, может считаться эпифорой, тогда как метафора, в большей степени связанная с несходством, может считаться диафорой. Это разграничение особенно полезно при описании второго культурного процесса. Метафора может возникнуть либо как диафора, либо как эпифора, а затем в процессе употребления изменить свой статус. Диафоры могут превратиться в эпифоры по мере того, как ассоциативно связанные с ними гипотетические понятия (*their hypothetical suggestions*) находят подтверждение в опыте или эксперименте. Эпифоры могут стать элементами повседневного языка в результате частого употребления, делающего их вполне привычными для говорящих. Когда это происходит, в словарь обычно включается новое лексическое толкование соответствующего слова или слов (референтов). Некоторые метафоры остаются диафорами, некоторые остаются эпифорами, в то время как другие меняют свой статус в результате превращения диафор в эпифоры, а эпифор — в элементы повседневного языка. Не являясь статической грамматической категорией, метафора существует и в виде динамического когнитивного процесса, предлагающего новые гипотезы, и в виде динамического культурного процесса, изменяющего наш устный и письменный язык.

Я не только кладу в основу своей теории метафоры когнитивное взаимодействие, но и предполагаю междисциплинарное взаимодействие между философией и психологией. Я писал эту работу как философ, заинтересованный в построении объяснительной теории метафоры, основанной на наблюдениях и теориях не только моих предшественников-философов, но в еще большей степени современных лингвистов и психологов. Я надеюсь, что серьезное внимание, которое я уделяю данным психологическим экспериментам и экспериментально подтвержденным теориям, способствовало тому, что я продвинулся по пути к возвращению философии подобающего ей эмпирического статуса. Позитивисты прошлого

полагали, что они сохраняли эмпирическую ориентацию, защищая принцип «проверяемости». В своей теории метафоры они искали подходов, которые сделали бы метафору способной к эмпирической проверке. В противовес этому я обращаюсь к свидетельствам экспериментов, которые проводят с метафорой психологи, полагая, что сами экспериментальные свидетельства более важны, чем правило или анализ, обеспечивающие (принципиальную) проверяемость метафоры. Этот шаг дает мне возможность обобщить работы других исследователей и соответственно формулировать мои аргументы на основе эмпирических данных. Философ, не принимающий этого метода, может возразить, что психолог и сам легко справится с задачами обобщения и что моя методика оставляет меня не у дел. Я с радостью готов согласиться с тем, что психологи (а также и другие), а не только философы способны обобщать данные, касающиеся метафоры, и формулировать аргументы. Многие психолингвисты уже именно этим и занимаются. Однако принимая предлагаемую методику, я надеюсь не только обосновать эмпирический базис философии, но и построить более совершенную процедуру моделирования в качестве определенного приближения к действительности. Почему, изучая когнитивный процесс производства и понимания метафоры, исследователь должен ограничиваться лишь тем, что говорили до него философы, и тем, как выглядит метафора в повседневном языке или в логике? Почему бы не изучить различные подходы к исследованию метафоры, предлагавшиеся в других науках? В своем исследовании я мог бы уделить больше места литературоведческим работам по метафоре, но не стал этого делать, поскольку фокус моего внимания был намеренно сосредоточен на метафоре как на механизме познания (cognitive device). А для исследования различных теорий, касающихся познания, больше всего может дать психология. Моя приверженность формальным структурам (компьютерная метафора) заставляет искать аргументы и доказательства также и в кибернетике и математике. Новая дисциплина, которую часто называют «когитология», объединяющая философию, психологию,

лингвистику и кибернетику, в наибольшей степени соответствует моему подходу.

Междисциплинарный характер данной работы необходимо означает, что мой подход часто и намеренно оказывается эклектичным. В худшем случае эклектичный подход совмещает идеи и данные, которые не согласуются друг с другом или же ведут к явным противоречиям. Надеюсь, что я избежал этой опасности, но если будущие рецензенты обнаружат в моей работе противоречия, я готов к отступлению и к модификации моей теории. Предпочитая дурной схеме схему, которая не столь плоха, но в то же время и не вполне хороша, я нахожу возможным сочетать идеи и аргументы, не имеющие непосредственного отношения друг к другу. Я считаю хорошим эклектизмом совмещение идей и данных, которые могут быть оправданы с помощью хороших теоретических аргументов, особенно (применительно к данной работе) при помощи квазиматематических структур. Я стремился, хотя, быть может, и не всегда успешно, использовать психологические и лингвистические данные (без искажения, однако иногда с некоторой переинтерпретацией) для обоснования философских аргументов в пользу рассмотрения метафоры как когнитивного процесса. Такой подход предлагался и другими исследователями в их статьях, разделах монографий и докладах на конференциях [11]. Однако мне неизвестны попытки применить к исследованию метафоры когнитивный подход в таком объеме, как это делается в данной работе. Представляется неизбежным, что некоторые ее выводы покажутся небесспорными, и я с готовностью принял бы участие в дальнейшем обсуждении природы метафоры с теми, кто серьезно интересуется данной проблемой, но, может быть, иначе подходит к ее объяснению.

Ради максимально возможной отчетливости выводов и конкретизации ряда абстракций в работу включены многочисленные примеры метафоры, извлеченные из двух основных источников:

(1) литература, особенно поэзия, и (2) наука. Когда же ни в том, ни в другом источнике мне не удавалось найти примеры, подходящие для иллюстрации какого-либо тезиса, я конструировал свои собственные.

В заключение, прежде чем читатель погрузится в пучину теории, позвольте мне сделать некоторые предупреждения, в частности, указать на то, какие задачи данная книга намеренно не ставит перед собой. Я делаю это на основании прежнего опыта с моей более ранней книгой о метафоре [8], имея в виду будущих рецензентов.

Отмечу сначала как положительный факт то обстоятельство, что, стремясь сохранить последовательность в моем эмпирическом подходе к исследованию как семантики, так и истинности, я сочетаю многозначную истинностную логику с комбинационной теорией истинности, включающей аспекты теории непротиворечивости и соответствия. Это может показаться читателю чем-то вроде подвига, достойного Гудини; позвольте мне заверить читателя в том, что выполнение этой задачи оказалось очень нелегким делом и что меня до сих пор беспокоит место, занимаемое в моей теории традиционным понятием противоречия.

Предлагать семантический анализ метафоры, игнорируя при этом перформативные функции метафоры, — значит обречь семантический анализ на неполноту. Однако подход к метафоре как к речевому акту не существен для теории, рассматривающей метафору как когнитивный процесс. Моя теория находит дополнение, прежде всего, в исследованиях речевых актов. Но если я расширяю свою теорию в данном направлении, почему бы не расширить ее в других направлениях, таких, как литературная критика, роль метафоры в мифе и отношение между метафорой и символикой? Единственное, что я могу сказать по поводу этих и других упущений, — это то, что я хотел сконцентрировать внимание на когнитивных аспектах метафоры, отложив другие темы на будущее. В послесловии я указываю на некоторые темы для будущих изысканий, связанные с обсуждаемыми в книге вопросами. А теперь я желаю читателю

счастливого пути в путешествии по компьютерному и когнитивному миру метафоры.

2.2. Компьютерная метафора в познании

Объяснения, лишенные метафоричности, были бы трудными, если не невозможными; ведь для того чтобы описать неизвестное, мы должны прибегнуть к понятиям, которые мы знаем и понимаем, и таким образом, суть метафоры состоит в необычном соположении знакомого и незнакомого. Современные исследования соприкасаются с таким изучением отношения между разумом и мозгом, которое связано с использованием базисных метафор как основания для построения теорий. Среди различных метафор, которые, как можно предположить, лежат в основе взаимосвязи между разумом и мозгом, центральное положение занимает компьютерная метафора, в соответствии с которой мозг может рассматриваться как вычислительный механизм, сходный с компьютером, а разум представляет собой ряд программ, обеспечивающих функционирование мозга. Человеческое мышление едва ли сводится к функциям мозга; скорее, человеческое мышление и функции мозга составляют вместе вычислительный процесс. «Аппаратное обеспечение» мозга, подчиненное «программному обеспечению» разума, производит вычислительную работу, традиционно называемую познанием.

Зенон Пылышин так описывает сущность компьютерной метафоры:

Взгляд, согласно которому познание может быть сопоставлено с вычислительным процессом, широко распространен в современных теориях познания, даже среди тех, кто не использует компьютерные программы для моделирования когнитивных процессов. Одно из основных понятий, используемых этим подходом, которое иногда называют «обработкой информации», сводится к тому, что когнитивные процессы представляют собой формальные операции, производимые над символическими структурами; таким образом, это формалистский подход к теоретическому объяснению.

Практически конкретные примеры символических структур можно представить себе как выражения, записанные с помощью определенной лексикографической нотации (как это принято в лингвистике или математике), или же они могут получить физическое воплощение в компьютере в качестве структуры данных либо выполнимой программы [13, p. 111].

Компьютерная метафора познания представляет собой наглядное свидетельство успешности интеракционного подхода к метафоре. Появление современного компьютера принесло с собой метафорическое представление о думающих машинах; кибернетики, философы и психологи, усвоившие метафорическое представление о том, что компьютеры занимаются умственной деятельностью, которая сродни человеческой, создали новую дисциплину, занимающуюся искусственным интеллектом. В интеракционной метафоре оба члена метафоры подверглись модификациям. Когда мы употребляем метафорическое выражение «машины думают», то не только машины получают атрибуты думающих человеческих существ — так, мы задаемся вопросом, обладают ли машины намерениями и чувствами, а также способностью делать рациональные умозаключения, — но и «мыслители» (человеческие существа) получают атрибуты компьютеров. Именно это происходит в компьютерной метафоре: разум человека описывается в терминах компьютерных свойств. Мы говорим о нейронных состояниях мозга, как если бы они были подобны внутренним состояниям компьютера; мы говорим о ментальных процессах мышления, как если бы они были алгоритмичными. Компьютеры подобны разуму во многих отношениях; они могут хранить данные, запоминать их, манипулировать ими, научиться распознавать новые схемы и даже создавать новые когнитивные схемы. Мыслительная деятельность человека подобна действиям компьютеров; люди могут манипулировать цепочками символов в соответствии с правилами языка и математики. Хотя компьютеры производят многие операции быстрее и более эффективно, чем люди, в целом сравнение оказывается в пользу людей, поскольку они обладают эмоциями, творческой

способностью и интенциональностью в отношении многих из своих действий. Те, кто отказывает компьютерам в разумности, подчеркивают уникальность этих человеческих функций, тогда как те, кто наделяет компьютеры искусственным интеллектом, преуменьшают их отличия от человека, отрицая значимость человеческих эмоций для компьютеров и утверждая, что они обладают интенциональностью. Прежде чем продолжить обсуждение компьютерной метафоры, позвольте мне указать на первую главную проблему теории метафоры — исследование интеракциональной метафоры, воплощенной в утверждении «Человек — это компьютер».

Что заставляет говорить о сопоставлении людей с компьютерами как о метафоре, а не просто как об аналогии? Мы не понимали бы компьютерную метафору, если бы не могли осознать сходства между людьми и компьютерами. Различия не препятствуют аналогии, поскольку наиболее плодотворные аналогии не предполагают изоморфизма, то есть не требуют однозначного соответствия между всеми составными частями. Хотя метафоры предполагают аналогии между свойствами и частями своих референтов, их характерной чертой является странность соположения их референтов. Если мы утверждаем, что метафоры отличаются от аналогий, мы должны более тщательно исследовать природу этой «странности». Необходимым условием метафоры является существование определенного сходства между членами метафоры, но я постараюсь в дальнейшем показать, что аналогия ни в коей мере не является достаточным условием.

2.3. Исторические варианты компьютерной метафоры

Попытки пролить свет на природу человека с помощью механической метафоры — отнюдь не феномен двадцатого столетия, поскольку Ламетри свое произведение «Человек-машина» опубликовал еще в 1748 г. Многие из тех, кто не читал его, полагают, что Ламетри всего лишь сравнил человека с механическим устройством, подобным часам. Как видно из следующей ниже цитаты, это и в самом деле так, но он также признавал, что «человек — это такая сложная машина, что невозможно заранее составить себе сколько-

нибудь ясное представление об этой машине и, следовательно, невозможно дать ей определение», так что он прибег к целому ряду разнообразных метафор [7, p. 89]. Сначала строго механическая метафора:

Человеческое тело — это часы, огромные часы, сделанные с таким искусством и изобретательностью, что если колесико, отмечающее секунды, вдруг остановится, минутное колесико будет все равно продолжать свое вращение, и точно так же четвертьчасовое колесико и все остальные будут вращаться в случае выхода из строя (из-за ржавчины или по какой-либо другой причине) первых колесиков. Не по сходной ли причине закупорки некоторых кровеносных сосудов еще не достаточно для того, чтобы разрушить или уменьшить двигательную силу, заключенную в сердце как основной пружине машины: напротив, жидкость, объем которой уменьшился вследствие сокращения пути, пробегает его тем быстрее, уносимая как бы новым течением, и сердечная деятельность усиливается благодаря сопротивлению, которое она встречает в оконечностях сосудов? [7, p. 141].

Ламетри уподобляет воскрешение в памяти каких-либо идей состоянию садовника, который, зная растения, «вспоминает все стадии их роста при взгляде на них» [p. 107]. Он сравнивает возникновение в мозгу образов с «волшебным фонарем» [там же]. Даже «душа» описывается как «осветительный прибор» (*enlightened machine*) [p. 128]. Однако, сравнивая человеческое тело с машиной, Ламетри увлекается биологической стороной метафоры, когда утверждает, что мозг обладает мускулами для мышления и для того, чтобы лучше узнать человека, мы должны обратить взор не только к машинам, но также и к животным.

Таким образом, различные состояния души всегда соотносятся с различными состояниями тела. Но чтобы лучше показать эту зависимость во всей ее полноте и причинной обусловленности, воспользуемся сравнительной анатомией; сопоставим органы человека и животных. Как может быть познана природа человека, если нам не будет позволено пролить на нее свет путем точного сопоставления структуры человека и животного?

Вот тезис, неожиданный для тех, кто лишь понаслышке знает о метафоре Ламетри, сравнивавшей человека с машиной; «машина» Ламетри — это машина из плоти и крови, понять которую можно не только путем обращения к механическим частям устройства, но и путем сопоставления с животными. Таким образом, рядом с компьютерной метафорой стоит метафора-близнец «Человек — это животное». Быть может, наиболее захватывающей идеей Ламетри была его мысль о возможности обучить человеческому языку обезьян, что углубило бы наше знание природы человека. В основе этой идеи лежал успешный опыт обучения языку глухонемых, и небезынтересно отметить, что идея Ламетри предвосхитила опыты с Уошо и Ланой почти на 250 лет.

Но имея в виду значительное сходство между обезьяной и человеком, а также то, что ни одно из известных нам животных не напоминает человека своими внешними и внутренними органами столь разительно, как обезьяна, я был бы удивлен, если бы речь была совершенно недоступна для обезьян [7, р. 101].

Современная версия сочинения Ламетри «Человек-машина», а именно «Метафорический мозг» Майкла Арбиба, эксплицитным образом провозглашает упомянутую двойную метафору (человек как машина и как животное) в качестве основы понимания человека.

Мы хотим понять, как люди мыслят и поступают; в частности, мы хотим понять роль мозга в мышлении и поведении. В некоторых отношениях мозг человека подобен заложенному в работа компьютеру, в других он более сходен с мозгом лягушки. Мы ставим своей целью пояснить возможное понимание мозга с помощью двух метафор: кибернетической метафоры «Люди — это машины» и эволюционной метафоры «Люди — это животные». Мы не собираемся недооценивать различия, но надеемся, что и сходства окажутся достаточно поучительными.

Таким образом, называя эту книгу «Метафорический мозг», мы не имеем в виду, что воплощенное в ней понимание мозга в каком бы то ни было

смысле менее «реально», чем понимание, воплощенное в других книгах, — скорее мы просто указываем эксплицитным образом на ту помощь, которую оказывает нам эта метафора, а также хотим предотвратить недоразумение, которое возникает, когда метафору принимают за реальность [1, р. VII].

Будучи продуктами эволюции, биологические аспекты человека должны описываться с помощью любой метафоры или ряда метафор, способствующих постижению человеческой природы. Там, где Арбиб использует для объяснения биологической природы человека двойную метафору «Люди — это машины» и «Люди — это животные», Пылышин пользуется только компьютерной метафорой — «Познание имеет характер вычисления», — рассматривая животную природу человека как проявление того, что он называет «функциональной архитектурой» разума. Пылышин говорит о «вычислении» и разуме на двух уровнях: (1) теоретические требования для вычисления (разум) и (2) биологические структуры и процессы, связанные с мозгом, которые выполняют вычисление. Это соответствует «программному обеспечению» и «аппаратному обеспечению» компьютера. Но и это разграничение не устраняет трудностей, с которыми сталкивается Пылышин при объяснении интенциональности и сознательности, проявляемых людьми при формировании осознанных целей, изменяющих их мышление.

2.4. Буквальный вариант компьютерной метафоры.

Более удивительным, чем попытка Пылышина включить биологический компонент в функциональную архитектуру вычислительных механизмов мышления, является то, что он настаивает на буквальной интерпретации компьютерной метафоры.

Возможность описания вычислительной работы и познания в одних и тех же абстрактных терминах устраняет причину, которая вынуждала бы нас рассматривать соответствующее сопоставление как только метафору, в противовес его буквальному толкованию. Несмотря на широкое распространение компьютерной терминологии (например, такие термины, как

«запоминающее устройство», «процесс», «операция»), большая часть такого словоупотребления связана хотя бы с некоторой метафорической окраской. Наблюдается нежелание трактовать вычислительную работу как буквальное описание мыслительной деятельности, а не просто как эвристическую метафору. Отказ от буквального толкования компьютерации открыл возможность для весьма широкой трактовки разнородной деятельности под рубрикой «теории информационных процессов», что в значительной части представляет существенный отход от того, что я рассматриваю как ядро компьютерной теории мышления [13, p. 114].

Пылышин хочет, чтобы мы не только представляли себе мыслительную деятельность, как если бы она была сходна по характеру с действиями компьютера, но чтобы мы определяли познавательную деятельность как счетно-вычислительную. Это не значит, что люди и компьютеры идентичны (поскольку Пылышин предусмотрел иерархическое строение своей теории, в которой вычисление представляет собой теоретический уровень, воплощающийся либо в машинах, либо в людях); это предполагает, скорее, тождественность алгоритмов для компьютеров и для человеческого разума. Такое тождество будет естественным, если мы изменим способ наших теоретических размышлений о людях и мире. В качестве аналогии он указывает на принятие в XVII в. Евклидовой геометрии как объяснения природы пространства. Лишь во времена Ньютона аксиомы Евклида были восприняты как буквальное описание мира. Это принятие «глубоко повлияло на развитие науки»; принятие компьютерной метафоры повлияет сходным образом на теорию познания — разумеется, положительно.

«Принятие системы в качестве буквального объяснения действительности поможет ученым увидеть, что одни наблюдения в дальнейшем окажутся возможными, тогда как другие — нет. Дело не ограничивается простым утверждением, что ряд вещей происходит, «как если бы» имели место некоторые ненаблюдаемые события. Такое принятие еще и

связывает теоретика серьезными ограничениями, поскольку он уже не может свободно апеллировать к существованию неких неопределенных сходств между своим теоретическим объяснением и описываемыми явлениями — как это бывает, когда он пользуется метафорическим языком. Именно свобода, которая появляется у исследователя в этом последнем случае, ослабляет объяснительную силу понятия компьютерации, метафорически используемого для описания определенных ментальных функций. Если мы будем рассматривать вычисление более абстрактно как знаковый процесс, трансформирующий формальные выражения, которые в свою очередь интерпретируются в терминах той или иной области репрезентации (например, в числах), мы увидим, что представление о ментальных процессах как о вычислении может пониматься так же буквально, как представление о том, что то, что делают компьютеры системы IBM, адекватно рассматривается как вычисление» [13, p. 1151.

Однако Пылышин игнорирует последствия буквального толкования Евклидовой геометрии; представления Евклида об абсолютности длины были поколеблены с появлением в XX в. теории относительности. Может ли Пылышин гарантировать, что превращение компьютерной метафоры в буквальное описание путем акта веры не нанесет вреда когнитивной науке, неоправданно сузив горизонты наших размышлений над соответствующей проблемой? Метафоры могут оказаться весьма опасными, когда мы забываем, что это — метафоры; причиной того, что у нас возникает соблазн понимать метафору буквально, часто является ее привычность, а не какие-либо подтверждающие свидетельства. Пылышин предлагает теоретикам воспринимать компьютерную метафору буквально не потому, что есть свидетельства в пользу такого понимания, а потому, что он полагает, что оно может лечь в основу лучших теорий, более жестко ограниченных, а тем самым более фокусированных.

Вопрос о том, следует ли трактовать компьютерную метафору буквально, связан с одной из основных проблем, с которой сталкивается

любая теория метафоры — проблемой проведения границы между «буквальным» и «метафорическим». До недавнего времени многие лингвисты, философы и представители естественных наук относились к метафоре пренебрежительно, как к лежащему за пределами грамматики средству, характеризующему неряшливое мышление, а не как к законному теоретическому инструменту. В глазах этих критиков, к метафоре прибегают либо мистики, стремящиеся выразить восторг моментом соединения несоединимого, либо поэты, ищущие средства для выражения своих страданий, ибо интуитивные представления и чувства не могут фиксироваться в точных терминах; когда же к метафоре обращаются естествоиспытатели, они обвиняются в том, что пользуются вязкими, неточными, фигуральными языковыми выражениями вместо того, чтобы довести свою теорию до той степени совершенства, которая давала бы возможность представить ее в более точных терминах. Однако все более распространяющееся признание того, что для теорий требуются метафоры, выдвигающие определенную гипотезу и в то же время доступные пониманию, связано с необходимостью дифференциации между метафорическим и неметафорическим, или буквальным.

Некоторые теоретики метафоры утверждают, что язык целиком метафоричен и что не существует такой вещи, как буквальный язык. Они не отрицают того, что многие метафоры утрачивают свою странность и становятся «мертвыми метафорами», но считают, что даже и эти метафоры сохраняют свое характерное свойство объединения двух различных референтов. В той мере, в какой символы выполняют репрезентативную функцию, все они суть метафоры в том смысле, что они репрезентируют объект, событие или идею, не обязательно наличествующие в момент произнесения высказывания. Если мы допускаем, что язык целиком метафоричен, то почему, стоя в каждом конкретном случае перед выбором той или иной метафоры (например, для объяснения природы узнавания), мы выбираем из всех возможных метафор именно компьютерную? К тому же,

вопреки Пылышину, компьютерная метафора не может быть обращена в буквальное утверждение, поскольку между первой и вторым не существует различия. Пылышин мог бы выбрать менее «метафоричную» метафору, но он не может задаться целью найти буквальное. Такой подход не только затрудняет осмысление метафоры (у нас нет такого эталона, как буквальный язык, который помог бы нам в этом), но и имеет неприятные следствия для теории истины. Поскольку эмпирическое оправдание метафор никогда не превращает их в нечто буквальное, мы остаемся в царстве той языковой относительности, которая не дает нам никакой зацепки в том, что могло бы восприниматься как буквальное.

С другой стороны, если мы настаиваем на различии между буквальным и метафорическим, мы должны извлечь пользу из этого утверждения, представив удовлетворительный критерий подобного разграничения. Этот критерий должен быть как лингвистическим, так и когнитивным; мы должны показать, каким образом буквальное ощущается или воспринимается как буквальное, а метафорическое — как метафорическое. Когнитивные понятия сходства, подобия и различия принимают участие в процессе познания в качестве компонентов, которые дают возможность провести соответствующие разграничения. Описание подобного познавательного процесса неизбежно требует обращения к метафорам или, по крайней мере, интуитивного различения между буквальным и метафорическим, так что обоснование критерия опять-таки ведет к порочному кругу. Единственный частичный выход из этого очевидного парадокса состоит в том, чтобы дифференцировать уровни рассуждения; когда мы говорим о различии между буквальным и метафорическим в контексте когнитивных процессов, мы с необходимостью должны обратиться к некоторому языковому метаязыковому уровню. Тот факт, что моя теория метафоры на метаязыковом уровне сама является метафоричной, не обязательно означает, что на уровне языка-объекта различий между буквальным и метафорическим не существует.

Компьютерная метафора и понятийные сдвиги. Любая теория метафоры, которая признает различие между буквальным и метафорическим, должна также объяснить, в чем отличие метафор от повседневного языка и каким образом метафоры умирают и становятся частью обиходной речи. Метафоры служат катализаторами языковых изменений; метафоры предшествующего поколения становятся банальными выражениями для следующего поколения. Метафора существует как вполне обычный творческий процесс человеческого познания, который объединяет понятия, в норме не связанные, для более глубокого проникновения в суть дела. Джон МакКарти, который считается создателем термина «искусственный интеллект», утверждает, что приписывание мыслительных способностей машинам вполне законно и не должно возбраняться [10, р. 96].

Приписывать определенные «мнения», «знания», «свободу воли», «намерения», «сознательность», «способности» или «желания» машине или компьютерной программе — дело вполне законное, если такое приписывание выражает относительно машины ту же информацию, какую оно выражает относительно человеческой личности. Такое приписывание полезно, если оно помогает нам понять структуру машины, ее прошлое или будущее поведение или же облегчает ее исправление либо усовершенствование. Подобный взгляд, быть может, никогда не является логически необходимым даже по отношению к человеческим существам, он просто выражает в достаточно компактной форме представление, какие ментальные (или изоморфные ментальным) свойства может потребовать известное нам состояние машины в конкретной ситуации. Теории мнения, знания и желания могут быть сформулированы более простым способом, когда они относятся к машинам, нежели когда они относятся к человеческим существам, а уже впоследствии они могут быть применены к этим последним. Приписывание ментальных свойств машинам известной нам структуры, таким, как термостат или действующие компьютерные системы, не составляет труда, но в высшей степени полезным оказывается его

применение к сущностям, структура которых известна нам в весьма недостаточной степени [9, p. 61].

Рассуждение МакКарти существенно зависит от понимания слов «тот же самый»; в каких случаях представление о «мнениях» и т. д. выражает ту же самую информацию в отношении человека, что и в отношении машины? МакКарти приписывает термостату простые предложения со значением мнения типа «Комната слишком холодная», «Комната слишком жаркая», «Комната в порядке». Из этого, однако, не следует, что термостат понимает концепт «слишком холодно», который человек, вне всякого сомнения, понимает. Если мнение означает только определенные действия или предрасположение к действиям, то у термостата, разумеется, есть те три мнения, которые приписывает ему МакКарти. Если же мнение включает понимание и согласие с пропозицией, то тогда сомнительно, что термостат имеет мнения в том же точно смысле, что человек. Метафорическое приписывание человеческих черт компьютерам или атрибутов компьютеров людям вызывает вопрос о том, какие именно части метафоры являются общими в обоих случаях. Пылышин справедливо считает, что буквальное понимание компьютерной метафоры означает, что тождественными являются лишь некоторые черты человеческого и компьютерного вычисления. Если мозг и компьютер представляют собой пример аппаратного обеспечения функциональной архитектуры компьютерной метафоры, то тогда сходными оказываются лишь немногие физические процессы вычисления. После того, как проведена метафорическая атрибуция, следует тщательно рассмотреть вопрос о том, насколько далеко простирается сходство между двумя референтами метафоры. Некоторые критики искусственного интеллекта утверждают, что, поскольку разумные человеческие существа могут ощущать боль, а компьютеры, как можно полагать, боли ощущать не могут, компьютеры, следовательно, не могут быть разумными существами. Но подобное рассуждение предполагает, что если нечто обладает разумом, то оно непременно должно обладать и всеми

другими свойствами, которыми обладает человек. Дэниэл Деннетт показал, что задаваться вопросом, ощущают ли компьютеры боль, в ходе доказательства того, что компьютеры имитируют деятельность человеческого разума, — все равно, что интересоваться, известны ли компьютерам по опыту ураганы, поскольку они также могут их моделировать¹. Если машина имеет мнение в смысле предрасположенности к действию, она не обязана обладать еще и другими качествами, которыми обладают люди, также имеющие предрасположенности к действию (то есть мнения).

В 1950 г. А. М. Тьюринг изобрел концептуальную игру, названную имитационной, которая предполагала отождествление компьютеров и человеческого разума [14]. Один из участников игры с помощью вопросов должен отгадать, кто из двух людей, находящихся от него в отдалении, женщина, а кто — мужчина. Он задает вопросы и получает ответы при помощи телекоммуникатора. Когда один из? находящихся в другом помещении участников заменяется компьютером, «вопрошатель» не замечает разницы. Машина может оказаться столь же разумной и столь же похожей на человека, как подлинный участник-человек. В кругах, связанных с искусственным интеллектом, эта концептуальная процедура, игра в имитацию, получила известность под названием «теста Тьюринга». Если в каком-нибудь вопросе, связанном со свойствами компьютера, мы не можем отличить результата, выдаваемого машиной, от результата, полученного от человека, то вправе приписывать компьютеру атрибуты человека.

Метафоры могут быть опасны не только тем, что они соблазняют нас думать, что то, на что они намекают, существует в действительности, но и тем, что они наталкивают нас на мысль, что свойства, присущие каким-либо референтам метафоры, также присущи и другим ее референтам. Если люди и компьютеры обладают памятью и мнениями, то это метафорическое словоупотребление может ввести нас в заблуждение, заставив полагать, что в компьютере могут быть обнаружены свойства человеческой памяти или же

что понятие мнения у человека должно пониматься ограниченно как предрасположение к действию, поскольку именно такое ограниченное понимание уместно по отношению к компьютеру. Метафорическое олицетворение, существовавшее, вероятно, со времени возникновения человеческой речи, получило широкое распространение в науке о компьютерах. Примитивные культуры часто олицетворяют природные объекты, наделяя их божественным статусом; возможно, что это обожествление переместилось из природы в технологию. В лабораториях, а позднее в научно-фантастических романах и фильмах, компьютеры стали получать собственные имена. Раздел, посвященный программе компьютера Винограда, в недавнем введении в компьютерную технику носит название «ШРДЛУ» [2, р. 134 и ел.].

Метафоры позволяют нам расширить наши знания путем соположения нормально не связанных референтов, что наводит на мысль о сходстве некоторых свойств референтов. Другие свойства референтов остаются различными. Проведение границы между теми свойствами, которые обнаруживают сходство, и теми, которые обнаруживают различие, требует от тех, кто сталкивается с новыми метафорами, напряженной работы воображения и восприятия. Что касается компьютерной метафоры, то многие сходства между компьютерами и людьми очевидны — и те, и другие умеют складывать, вычитать и умножать; и те, и другие умеют принимать решения; и те, и другие умеют хранить информацию и участвовать в ее поиске; и те, и другие могут научиться узнавать новые схемы; и те, и другие могут обрабатывать текст. Но могут ли и те, и другие *мыслить*? Если мышление определяется в терминах только что перечисленного неполного списка выполняемых и теми, и другими функций, то компьютеры, несомненно, мыслят. Если, однако, исходить из того, что мышление предполагает воплощение вычислительного механизма в некотором биологическом организме, то компьютеры, очевидно, не мыслят [5].

Данную проблему можно рассматривать и с точки зрения компьютера и считать, что мышление имеет место только в том случае, если мыслящее существо следует определенным формальным правилам. Поскольку многое из того, что считается в человеческой среде мыслью, основано на случайных ассоциациях, а не на применении формальных правил, критик мог бы утверждать, что компьютеры мыслят в гораздо более частых случаях, чем это делают люди, и что можно говорить о рациональном мышлении людей лишь эпизодически, когда люди подражают компьютерам, стремясь строго следовать формальным правилам.

Когда утверждают, что машины способны иметь мнения или намерения, как это делал МакКарти, доказывая наличие трех типов мнения у термостата, мы можем задаться вопросом, включают ли характерные признаки мнения понимание и самосознание. Если мы хотим, чтобы понятие мнения было применимо к термостату, оно должно быть соответствующим образом ограничено относительно своих признаков.

Как создание, так и понимание метафоры требует способности увидеть связь между атрибутами референтов, нормально не имеющих отношения друг к другу. Чем труднее понять эту связь, тем более суггестивна метафора. Компьютерная метафора, требующая, чтобы полный набор человеческих свойств — чувства, сознание, интенциональность — ассоциировался с компьютерами, в большей степени суггестивна, чем более ограниченная компьютерная метафора, имеющая в виду аналогии лишь между некоторыми дедуктивными функциями.

В последующих главах я собираюсь развить семантическую теорию, которая допускает, что при создании метафоры могут иметь место семантические изменения. Основное понятие этой семантической теории — когнитивный процесс. Производство метафор — это не просто лингвистическое явление, которое происходит на поверхностном уровне языка; оно берет начало в более глубинном когнитивном процессе творческого характера, открывающем новые возможности развития

значений. Создатель жизнеспособных метафор тем или иным образом объединяет понятия, на первый взгляд не связанные, чтобы вызвать к жизни новое подвижное понятие, выявляющее сходство между некоторыми из своих черт и обнажающее расхождения между другими. Слишком суггестивная метафора находит слабое подтверждение в опыте, а слишком экспрессивная, то есть подчеркивающая аналогии, ранее не замечавшиеся, может получить широкое распространение и в конце концов слиться с обычным языком. Для этого свидетельства, подтверждающие связь между формальными программами и разумом, должны стать настолько значительными, чтобы компьютерная метафора уже не создавала бы «напряжение» (tension), — и тогда она будет восприниматься как буквальное выражение. Для Пылышина, однако, превращение компьютерной метафоры в буквальное утверждение есть средство создания лучшей теории.

2.5. Компьютерная метафора как базисная метафора

Пример компьютерной метафоры помогает понять еще один аспект метафоры — ее употребление, отражающее некоторую первоначальную сущностную догадку, или интуицию, составляющую фундамент всей теории. Я называю этот тип метафоры базисной метафорой. Метафоры могут также использоваться для того, чтобы выразить конкретное ощущение или вызвать представление об индивидуальной возможности. Я называю этот второй тип «передающей метафорой» (conveyance metaphor). Здесь уместно выделить некоторые из вопросов, связанных при исследовании разума и мозга с использованием компьютерной метафоры в качестве метафоры базисной.

Первый вариант компьютерной метафоры был воплощен в выражении «искусственный интеллект» — метафоре, подсказанной успешным выполнением компьютерами алгоритмических функций, которые до появления компьютера считались исключительной прерогативой человека. Другая форма этой базисной метафоры заключена в выражении «компьютеры мыслят». Эта базисная метафора, в основе которой лежат

идеи, воспринимавшиеся в 50-х годах, когда она была впервые предложена, как сенсационные, объединяет один референт — интеллект (до того времени связывающийся исключительно с человеческими существами и животными) с другим референтом — вычислительной машиной. Начиная с самых ранних примеров употребления этого слова, отмеченных в «Oxford English Dictionary», и кончая настоящим временем, интеллект (intelligence) ассоциировался с мыслительными способностями и пониманием, так что один из обычных атрибутов интеллекта — «биологический», то есть относящийся к людям и животным. Машины нормально трактуются как обладающие небиологическими атрибутами. Выдвижение компьютерной метафоры толкает к исследованию как вычислительных машин (чтобы понять, насколько они действительно похожи на человека), так и человеческих существ (чтобы понять, насколько они действительно соответствуют компьютерам по своим когнитивным функциям). Будучи базисной метафорой, компьютерная метафора предлагает подходить к человеческому познанию, как если бы оно было вычислительной деятельностью и к вычислительной деятельности — как если бы она была человеческим познанием. Когда эта метафора была предложена впервые, она воспринималась как метафора, а не как буквальное утверждение, поскольку признавалось существование слишком многих различий между человеческим мышлением и функционированием компьютеров. Постепенно обнаруживались новые черты сходства, и странность метафоры, ее «напряжение», или суггестивность, уменьшились.

Нередко процесс исследования, начавшийся с признания базисной метафоры основной идеей всего построения, идет по пути выдвижения «передающих метафор», вырастающих из базисной. МакКарти двигался в этом направлении, когда он приписывал машинам многочисленные человеческие свойства. Он расширил список этих свойств, включив в него черты, относящиеся не только к познавательной деятельности, но и к установкам, чувствам, сознанию. Он также расширил понятие машины,

применив его не только к компьютеру, но и, скажем, к термостату. Применение базисной метафоры к более широкой эмпирической области путем использования других метафор — это проверка сопоставимости референтов на доступность пониманию.

Подобная практика расширения знания путем выдвижения базисных метафор, возникающих из интуитивных представлений о нас самих и о мире, существует не одно столетие. Начиная от Платона, с его учением о неизменном царстве форм, и кончая Эйнштейном, исходившим из строгой математической упорядоченности мира, философы и естествоиспытатели прибегали в скрытой или явной форме к базисным метафорам как к фундаменту своих теоретических построений. Компьютерная метафора была выдвинута в эксплицитной форме и с сознанием того, что представления, лежащие в ее основе, носят гипотетический и спекулятивный характер — черты, которые, как полагал Пылышин, привели к построению слишком расплывчатой теории. В другие периоды истории человеческой мысли базисные метафоры принимались неявно, как, например, логическими позитивистами начала XX в., которые считали, что они не пользуются никакими априорными принципами и тем самым не впадают в ужасный грех метафизики, но в то же время исходили из допущения, что язык является зеркалом мира (базисная метафора).

Как уже отмечалось, что, рассматривая компьютерную метафору, мы сталкиваемся с кажущимся парадоксом; излагаемая здесь теория метафоры имеет своим основанием теорию познания, которая сама, на первый взгляд, может быть сформулирована только с помощью метафор. Выше я заметил вскользь, что парадоксов автореференции можно избежать путем разграничения между теорией и метатеорией. Теперь мне предстоит сделать некоторые дополнения, потому что я хочу также отмежеваться от точки зрения, будто язык целиком метафоричен и буквальный язык можно легко идентифицировать, даже если его основания заложены в познавательном процессе. Проблема состоит в том, что мое объяснение буквального языка

обеспечивается такой теорией познания, которая может быть построена лишь с помощью базисной метафоры (это не обязательно должна быть компьютерная метафора; я упоминал здесь о ней лишь в иллюстративных целях). Моя теория метафоры предполагает такую теорию познания, которая предполагает использование по крайней мере базисной метафоры (а возможно, также и «передающих метафор»). Этот круг напоминает процесс отражения с помощью дурных зеркал: образ метафоры снова отражается в познании, а образ познания снова отражается в метафоре. Но сколько здесь образов — один или два? Пока этого сказать нельзя, но я могу предложить возможный выход из такого отраженного порочного круга. Метафорический процесс предполагает не только участие разума и мозга, но и существование внешнего мира с его богатством символов и культуры.

Адекватная теория метафоры включает в себя не только семантическую, синтаксическую и когнитивную теории, объясняющие, каким образом необычное сочетание слов приводит к созданию новых понятий, но и контекстуальные теории относительно внешнего мира, содержащие сведения о словесных ассоциациях, а также о взаимодействии между людьми и их окружением, создающем знание. Когнитивный процесс, который приводит к созданию метафоры, включен в более широкий процесс познания, имеющий отношение к индивиду в контексте эволюционного процесса, речь идет об эволюции как мозга, обеспечивающего аппаратное обеспечение для познания, так и культуры, предоставляющей контекст, в котором через взаимодействие с лингвистическим окружением возникают метафоры. Но биологическая эволюция и культурная подчинены разным механизмам. Ум, создающий метафоры, может быть прекрасным посредником между своими собственными нервными процессами и процессами культуры.

Описывая процесс познания, включающий взаимодействие между индивидом и его окружением, я надеюсь предложить такую теорию метафоры, которая объясняет буквальный способ выражения, допускает личное творчество и в то же время признает, что значение метафор

существенно зависит от контекста. Круговой характер взаимных отсылок от метафоры к познанию и обратно может быть преодолен лишь путем апелляции к объективности внешнего мира. Предварительно, интуитивно я вижу в метафоре связующее звено между разумом, мозгом и внешним миром; метатеория метафоры, которая стремится объяснить природу и смысл метафоры, неизбежно должна будет обратиться к этим трем областям. Схематически мы бы могли представить уровни метафоры следующим образом:

1. Поверхностный уровень: культура.
2. Более глубокий уровень: семантика и синтаксис.
3. Самый глубокий уровень: познание.

Проблема, с которой сталкивается эта попытка привести метауровни в соответствие с компьютерной метафорой, заключается в том, что уровни 2 и 3 не являются независимыми от уровня 1, а воплощены в биологическом организме, эволюция которого отчасти подвержена влиянию со стороны культуры. Чрезвычайная сложность метафоры как некоторого познавательного процесса связана с тем, что она получает языковое выражение в определенном культурном контексте с помощью воплощенного сознания (разума).

Я описываю метафору как эволюционный познавательный процесс, который объединяет мозг, разум и культуру в их творческом созидании языка. Но прежде чем приступить к этому описанию, я хотел бы внимательно присмотреться к природе метафоры — что именно делает метафору метафорой, как можно отличить метафору от аналогии и как можно отличить метафорический язык от буквального. Моя цель — предложить лингвистическую теорию, способную порождать метафоры и включающуюся в этот более широкий процесс познания. Кроме того, меня интересует функционально-истинностный статус метафор, а также вопрос о том, каким образом метафоры приобретают значение.

ГЛАВА III.

МЕТАФОРЫ, КОТОРЫМИ МЫ ЖИВЕМ

Для большинства людей метафора — это поэтическое и риторическое выразительное средство, принадлежащее скорее к необычному языку, чем к сфере повседневного обыденного общения. Более того, метафора обычно рассматривается исключительно как принадлежность естественного языка — то, что относится к сфере слов, но не к сфере мышления или действия. Именно поэтому большинство людей полагает, что они превосходно могут обойтись в жизни и без метафор. В противоположность этой расхожей точке зрения мы утверждаем, что метафора пронизывает всю нашу повседневную жизнь и проявляется не только в языке, но и в мышлении и действии. Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы мыслим и действуем, метафорична по самой своей сути.

Понятия, управляющие нашим мышлением, вовсе не замыкаются в сфере интеллекта. Они управляют также нашей повседневной деятельностью, включая самые обыденные, земные ее детали. Наши понятия упорядочивают воспринимаемую нами реальность, способы нашего поведения в мире и наши контакты с людьми. Наша понятийная система играет, таким образом, центральную роль в определении повседневной реальности. И если мы правы в своем предположении, что наша понятийная система носит преимущественно метафорический характер, тогда наше мышление, повседневный опыт и поведение в значительной степени обуславливаются метафорой.

Однако понятийная система отнюдь не всегда осознается нами. В повседневной деятельности мы чаще всего думаем и действуем более или менее автоматически, в соответствии с определенными схемами. Что представляют собой эти схемы, для нас совсем не очевидно. Один из способов их выявления состоит в обращении к естественному языку. Поскольку естественноречевое общение базируется на той же понятийной системе, которую мы используем в мышлении и деятельности, язык

выступает как важный источник данных о том, что эта система понятий собой представляет.

Наш вывод о том, что наша обыденная понятийная система метафорична по своей сути, опирается на лингвистические данные. Благодаря языку, мы получили также доступ к метафорам, структурирующим наше восприятие, наше мышление и наши действия.

Для того чтобы дать наглядное представление о том, что такое метафорическое понятие и как оно упорядочивает повседневную деятельность человека, мы рассмотрим понятие ARGUMENT 'СПОР' и понятийную метафору ARGUMENT IS WAR 'СПОР — ЭТО ВОЙНА'. Эта метафора представлена в многочисленных и разнообразных выражениях обыденного языка:

ARGUMENT IS WAR 'СПОР ЕСТЬ ВОЙНА'

Your claims are *indefensible*

'Ваши утверждения не выдерживают критики (букв, незащитимы).'

He *attacked every weak points* in my argument

'Он *напал на каждое слабое место* в моей аргументации'.

His criticisms were *right on target*

'Его критические замечания *били* точно в цель'.

I *demolished* his argument

'Я *разбил* его аргументацию'.

I've never *won* an argument with him

'Я никогда не *побеждал* в споре с ним'.

You disagree? Okay, *shoot!*

'Вы не согласны? Отлично, ваш *выстрел*

If you use that *strategy*, he'll *wipe you out*

'Если вы будете следовать этой *стратегии*, он вас *уничтожит*'.

He *shot down* all of my arguments

'Он *разбил (букв, расстрелял)* все мои доводы'.

Крайне важно иметь в виду, что мы не просто г о в о р и м о спорах в терминах войны. Мы можем реально побеждать или проигрывать в споре. Лицо, с которым спорим, мы воспринимаем как противника. Мы атакуем его позиции и защищаем собственные. Мы захватываем территорию, продвигаясь вперед, или теряем территорию, отступая. Мы планируем наши действия и используем определенную стратегию. Убедившись в том, что позиция незащитима, мы можем ее оставить и принять новый план наступления. Многие из того, что мы реально д е л а е м в спорах, частично осмысливается в понятийных терминах войны. В споре нет физического сражения, зато происходит словесная битва, и это отражается в структуре спора: атака, защита, контратака и т. п. Именно в этом смысле метафора СПОР — ЭТО ВОЙНА принадлежит к числу тех метафор, которыми мы «живем» в нашей культуре: она упорядочивает те действия, которые мы совершаем в споре.

Постараемся вообразить другую культуру, в которой споры не трактуются в терминах войны, в споре никто не выигрывает и не проигрывает, никто не говорит о наступлении или защите, о захвате или утрате территорий. Пусть в этой воображаемой культуре спор трактуется как танец, партнеры — как исполнители, а цель состоит в гармоничном и красивом исполнении танца. В такой культуре люди будут рассматривать споры иначе, вести их иначе и говорить о них иначе. Мы же, по-видимому, соответствующие действия представителей этой культуры вообще не будем считать спорами: на наш взгляд, они будут делать нечто совсем другое. Нам покажется даже странным называть их «танцевальные» движения спором. Возможно, наиболее беспристрастно описать различие между данной воображаемой и нашей культурами можно так: в нашей культуре некая форма речевого общения трактуется в терминах сражения, а в той другой культуре — в терминах танца.

Разобранный пример показывает, каким образом метафорическое понятие, а именно метафора СПОР — ЭТО ВОЙНА, упорядочивает (по

крайней мере частично) наши действия и способствует их осмыслению в ходе спора. *Сущность метафоры состоит в осмыслении и переживании явлений одного рода в терминах явлений другого рода.* Дело вовсе не в том, что спор есть разновидность войны. Споры и войны представляют собой явление разного порядка — словесный обмен репликами и вооруженный конфликт, и в каждом случае выполняются действия разного порядка. Дело в том, что СПОР частично упорядочивается, понимается, осуществляется как война, и о нем говорят в терминах войны. Тем самым понятие упорядочивается метафорически, соответствующая деятельность упорядочивается метафорически, и, следовательно, язык также упорядочивается метафорически.

Более того, речь идет об о б ы д е н н о м способе ведения спора и его выражения в языке. Для нас совершенно нормально обозначать критику в споре как атаку: *attack a position* 'атаковать позицию'. В основе того, что и как мы говорим о спорах, лежит метафора, которую мы едва ли осознаем. Эта метафора проявляется не только в том, как мы говорим о споре, но и в том, как мы его понимаем. Язык спора не является ни поэтическим, ни фантастическим, ни риторическим: это язык буквальных смыслов. Мы говорим о спорах так, а не иначе потому, что именно таково наше понятие спора, и мы действуем в соответствии с нашим осмыслением соответствующих явлений.

Наиболее важный вывод из всего сказанного выше состоит в том, что метафора не ограничивается одной лишь сферой языка, то есть сферой слов: сами п р о ц е с с ы м ы ш л е н и я человека в значительной степени метафоричны. Именно это имеем мы в виду, когда говорим, что понятийная система человека упорядочивается и определяется метафорически. Метафоры как языковые выражения становятся возможны именно потому, что существуют метафоры в понятийной системе человека. Таким образом, всякий раз, когда мы говорим о метафорах типа СПОР — ЭТО ВОЙНА,

соответствующие метафоры следует понимать как м е т а ф о р и ч е с к и е
п о н я т и я (концепты).

3.1. Системность метафорических понятий

Споры ведутся по определенным моделям. Это означает, что мы делаем одни ходы и не делаем другие. Тот факт, что мы осмысливаем споры частично в терминах сражения, системно обуславливает и саму форму спора, и способ обозначения наших ходов. Поскольку метафорическое понятие системно, системно и язык, используемый для его раскрытия.

На примере метафоры СПОР — ЭТО ВОЙНА мы видели, что выражения, взятые из лексикона войны, например *attack a position* 'атаковать позицию', *indefensible* 'неспособный к обороне', *strategy* 'стратегия', *new line of attack* 'новый план наступления', *win* 'побеждать', *gain ground* 'захватывать территорию' и т. п., образуют системный способ выражения «военных» аспектов спора. Отнюдь не случайно, что эти выражения сохраняют свое обычное значение, когда мы пользуемся ими, говоря о спорах. Некоторый фрагмент понятийной сети сражения частично характеризует понятие спора, и язык следует этому образцу. Поскольку метафорические выражения нашего языка системно связаны с метафорическими понятиями, мы можем обратиться к первым в целях исследования природы метафорических понятий и уяснения метафорической природы наших действий.

Для демонстрации того, как метафорические выражения повседневного языка могут прояснять метафорическую природу понятий, упорядочивающих наши повседневные действия, рассмотрим метафорическое понятие *TIME IS MONEY* 'ВРЕМЯ — ДЕНЬГИ' так, как оно отражается в современном английском языке.

TIME IS MONEY 'ВРЕМЯ - ДЕНЬГИ'

You are wasting my time

'Вы отнимаете (букв, *растрчиваете* мое) у меня время.'

This gadget will save you hours

'Это приспособление *экономит* вам много времени'.
I don't *have* the time to *give* you
букв.: 'Я не *имею* времени, чтобы *дать* вам'.
How do you *spend* your time these days?
'Как вы проводите (букв, *тратите*) ваше время в эти дни?'
That flat tire *cost* me an hour
'Эта спустившая шина *стоила* мне часа работы'.
I've *invested* a lot of time in her
букв.: 'Я *вложил* много времени в нее'.
I don't *have enough* time to *spare* for that
букв.: 'Я не *имею достаточно* времени, чтобы уделить этому'.
['У меня нет для этого времени'.]
You're *running out* of time
'Вы *истощаете* ваш запас времени'.
You need to *budget* your time
'Вам нужно *рассчитывать* свое время'.
Put aside some time for ping pong
'Выделите (букв.: '*накопите*') время для пинг-понга'.
Is that *worth your while*?
'Стоит ли это *затраты* вашего времени?'
Do you *have much* time *left*?
'Много ли времени у вас *осталось*?'
He is living on *borrowed* time
'Он живет за счет чужого (букв, *одолженного*) времени'.
You don't *use* your time *profitably*
'Вы не *используете с выгодой* ваше время'.
I *lost* a lot of time when I got sick
'Я *потерял* много времени, когда болел'.
Thank you for your time
'*Спасибо вам за* потраченное время'.

В нашей культурной среде время особенно ценится. Его ресурсы для нас ограничены. Поскольку в современной западной культуре понятие труда обычно связывается со временем, затрачиваемым на его выполнение, а время подлежит точному количественному измерению, труд людей обычно оплачивается согласно затраченному времени — по часам, неделям или годам. В нашей культуре метафора ВРЕМЯ — ДЕНЬГИ проявляется весьма многообразно: повременная оплата телефонных разговоров, почасовая оплата труда, тарифы за пользование гостиницей, годовые бюджеты, проценты по займам, выполнение общественных обязанностей, связанное с «выделением» для них определенного времени. В истории человечества эти общественные установления относительно новы и существуют далеко не во всех культурах. Возникшие в современных индустриальных обществах, они глубоко пронизывают нашу повседневную деятельность. Мы *относимся* ко времени как к очень ценной вещи — как к ограниченным ресурсам и даже как к деньгам — и соответствующим образом *осмысливаем* его. Тем самым мы понимаем и переживаем время как нечто такое, что может быть истрачено, израсходовано, рассчитано, вложено разумно или безрассудно, сэкономлено или потрачено напрасно.

ВРЕМЯ - ДЕНЬГИ, ВРЕМЯ - ОГРАНИЧЕННЫЙ РЕСУРС, ВРЕМЯ — ЦЕННАЯ ВЕЩЬ — все это метафорические понятия. Метафорические потому, что наш повседневный опыт обращения с деньгами, ограниченными ресурсами и ценными вещами мы используем для осмысления понятия времени. Это отнюдь не обязательный для всех людей способ осмысления времени, но с нашей культурой он тесно связан. Существуют культуры, где время осмысливается в других категориях.

Метафорические понятия ВРЕМЯ — ДЕНЬГИ, ВРЕМЯ — ОГРАНИЧЕННЫЙ РЕСУРС, ВРЕМЯ - ЦЕННАЯ ВЕЩЬ образуют единую систему, основанную на категориальном вложении понятий, поскольку в нашем обществе деньги входят в понятие ограниченных ресурсов, а ограниченные ресурсы — в понятие ценных вещей. Эти отношения

характеризуют и импликации метафор: ВРЕМЯ — ДЕНЬГИ имплицирует метафору ВРЕМЯ — ОГРАНИЧЕННЫЙ РЕСУРС, а ВРЕМЯ - ОГРАНИЧЕННЫЙ РЕСУРС имплицирует метафору ВРЕМЯ - ЦЕННАЯ ВЕЩЬ.

Мы принимаем практику использования наиболее специфичного (узкого) метафорического понятия, в данном случае — понятия ВРЕМЯ — ДЕНЬГИ, для характеристики всей системы понятий. Из тех выражений, которые приведены выше для иллюстрации метафоры ВРЕМЯ — ДЕНЬГИ, одни относятся собственно к деньгам (spend, invest, budget, profitably, cost), другие — к ограниченным ресурсам (use, use up, have enough of, run out of), а третьи — к ценным вещам (have, give, lose, thank you for). Здесь мы имеем пример того, как импликации метафор характеризуют связную систему метафорических понятий и соответствующую им связную систему метафорических выражений.

3.2. Метафорическая системность: освещение и затемнение

Системность, благодаря которой мы можем осмысливать некоторые аспекты одного понятия в терминах другого понятия (например, спора в терминах сражения), по необходимости затемняет другие аспекты данного понятия. Позволяя нам сосредоточиться на одном аспекте понятия (например, на «военном» аспекте спора), метафорическое понятие может мешать сосредоточиться на других аспектах этого понятия, несовместимых с соответствующей метафорой. Например, в пылу бурного спора, когда мы стремимся разбить нашего противника и защитить наши собственные позиции, мы можем упустить из виду, что в споре есть и сотрудничество. Можно считать, что ваш противник в споре затрачивает свое время, то есть ценную вещь, стремясь достичь взаимопонимания. Когда же мы поглощены исключительно «военным» аспектом спора, мы часто упускаем из виду аспекты сотрудничества.

Гораздо более тонкий пример того, как метафорическое понятие может затемнять тот или иной аспект нашего опыта, можно усмотреть в явлении, которое М. Редди назвал "conduit metaphor" — 'метафора передачи' ('метафора канала связи'). Редди указывает, что тот язык, который мы используем, когда мы говорим о самом языке, структурно упорядочивается в соответствии со следующей составной метафорой:

ИДЕИ (ИЛИ ЗНАЧЕНИЯ) СУТЬ ОБЪЕКТЫ. ЯЗЫКОВЫЕ
ВЫРАЖЕНИЯ СУТЬ ВМЕСТИЛИЩА. КОММУНИКАЦИЯ ЕСТЬ
ПЕРЕДАЧА (ОТПРАВЛЕНИЕ).

Говорящий помещает идеи (объекты) в слова (вместителища) и отправляет их (через канал связи — conduit) слушающему, который извлекает идеи/объекты из слов/вместителищ. Редди демонстрирует эту метафору на примерах многочисленных типов выражений английского языка (более сотни типов), что покрывает, по его оценке, по меньшей мере 70 % общей совокупности выражений, используемых нами, когда мы говорим о языке. Приведем примеры:

МЕТАФОРА КАНАЛА СВЯЗИ

It's hard to *get* an idea *across* to him 'Ему трудно *втолковать* (любую) мысль'. I *gave* you that idea 'Я *подал* вам эту мысль'. Your reasons *came through* to us букв.: 'Ваши доводы *дошли до* нас'. It's difficult to *put* my ideas *into* words 'Мне трудно *облечь* мои мысли в слова'.

When you *have* a good idea, try to *capture* it immediately *in* words
'Когда у вас появляется хорошая мысль, старайтесь сразу же *облечь* ее в слова'.

Try to *pack* more thought *into* fewer words букв.: 'Старайтесь *вложить* больше мыслей в меньшее число слов'.

You can't simply *stuff* ideas *into* a sentence any old way 'Вы не можете просто *втискивать* новые мысли во фразу старым способом'.

The meaning is right there *in* the words 'Смысл *заклучен* как раз в этих словах'. Don't *force* your meanings *into* the wrong words букв.: 'Не *втискивайте* ваши мысли в не те (неподходящие) слова'.

His words *carry* little meaning 'Его слова *несут* мало смысла'. The introduction *has* a great deal of thought *content* букв.: поведение *имеет* много содержательных мыслей'.

Your words seem *hollow*

'Ваши слова кажутся *пустыми*'.

The sentence is *without* meaning

'Эта фраза *без* смысла'.

The idea is *buried in* terribly dense paragraphs

'Эта мысль *погребена* в ужасающе глупых абзацах'.

Читая подобные примеры, непросто увидеть в них метафорический смысл, даже заметить в них метафору. Такое осмысление языка настолько вошло в привычку, что подчас трудно себе представить, что оно может не соответствовать действительности. Однако если мы обратим внимание на следствия, вытекающие из метафоры КАНАЛА СВЯЗИ, то увидим, что она маскирует некоторые аспекты коммуникативного процесса.

Прежде всего, из второго компонента метафоры КАНАЛА СВЯЗИ - ЯЗЫКОВЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ СУТВ ВМЕСТИЛИЩА ДЛЯ ЗНАЧЕНИЙ — вытекает, что слова и фразы обладают значением сами по себе — вне зависимости от контекста или от говорящего. Из первого положения этой метафоры — ЗНАЧЕНИЯ СУТВ ОБЪЕКТАМ — вытекает, в частности, что значения существуют независимо от людей и от контекстов употребления. По существу, аналогичное следствие вытекает и из второго положения - ЯЗЫКОВЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ СУТВ ВМЕСТИЛИЩА ДЛЯ ЗНАЧЕНИЙ. Эти метафоры оказываются приемлемыми для многих речевых ситуаций, а именно для тех, в которых контекстуальные различия не играют никакой роли, и все участники речевого акта понимают фразы одинаково.

Упомянутые два следствия нашей метафоры иллюстрируются фразами типа

The meaning is *right there in the words*

'Смысл *заключен* как раз *в* этих словах'; в соответствии с метафорой КАНАЛА СВЯЗИ, это может быть сказано относительно любой фразы. Однако во многих случаях весьма существенную роль играет контекст речевого акта. Вот известный пример:

Please sit in the apple-juice seat

букв.: 'Садитесь, пожалуйста, на место яблочного сока'.

Взятая изолированно, эта фраза вообще лишена содержания, поскольку выражение apple-juice seat не является нормальным способом обозначения какого-либо объекта. Однако эта фраза приобретает полноценный смысл в том контексте, в котором она была произнесена. Гость, оставшийся на ночлег, утром спустился к завтраку. Накануне вечером стол был накрыт на четыре персоны: против трех мест стоял апельсиновый сок, а против одного — яблочный. Тогда было очевидно, к чему следует отнести выражение apple-juice seat 'место, против которого стоит яблочный сок'. И на следующее утро, когда уже не было на столе яблочного сока, было по-прежнему ясно, которое из мест за столом может быть обозначено как apple-juice seat.

Кроме тех фраз, которые не имеют смысла вне контекста речевого акта, представляют интерес случаи, когда одна и та же фраза означает разное для разных людей. Рассмотрим пример:

We need new alternative sources of energy 'Мы нуждаемся в новых альтернативных (запасных) источниках энергии'.

Эта фраза означает разное для президента нефтяной компании и для президента общества друзей земного шара. Смысл этой фразы заключен не только в ней самой: здесь для его уяснения существенно и то, кто говорит или кто слушает, и то, каковы социальные или политические статусы

участников речевого акта. Метафора КАНАЛА СВЯЗИ не охватывает те случаи, в которых необходимо привлечение контекста для выяснения того, имеет ли фраза смысл вообще, и если имеет, то каков этот смысл.

Приведенные примеры показывают, что рассмотренные метафорические понятия дают лишь частичное осмысление того, какова суть коммуникации, что такое спор, что такое время; при этом они затемняют (маскируют) некоторые аспекты этих понятий. Важно учитывать, что метафорическое упорядочивание реальности носит в этих случаях не всеобъемлющий, а лишь частичный характер. Если бы оно было всеобъемлющим, одно понятие было бы тождественно другому понятию, а не просто осмысливалось бы в его терминах. Например, время реально не тождественно деньгам. Если вы *затрачиваете ваше время* (If you *spend your time*), стремясь к достижению некоторой цели, но не достигаете этой цели, вы не можете вернуть ваше время назад. В реальном мире банков времени нет. Я могу *уделить вам много своего времени* (I can *give you a lot of time*), но вы не можете вернуть мне назад то же самое время, хотя можете *вернуть мне то же самое количество времени* (you can *give me back the same amount of time*). И так далее. Таким образом, метафорическое понятие не отражает и не может отражать все без исключения аспекты исходного понятия.

Однако метафорические понятия могут выйти за пределы обычного буквального способа мышления в область, называемую фигуральным, поэтическим, красочным или причудливым мышлением и языком. Так, если мысли суть объекты, то мы можем *облачать их в причудливые одежды* (*dress them up in fancy clothes*), *жонглировать ими* (*juggle them*), *выстраивать их стройно и красиво в шеренги* (*line them up nice and neat*) и т. п. Поэтому мы, говоря, что некоторое понятие упорядочивается метафорой, имеем в виду, что оно частично упорядочивается и может получить расширительное употребление не произвольным, но вполне определенным способом.

3.3. Ориентационные метафоры

До сих пор мы рассматривали явления, которые можно назвать структурными метафорами, то есть те случаи, когда одно понятие структурно метафорически упорядочивается в терминах другого. Существует и другой тип метафорического понятия, когда нет структурного упорядочивания одного понятия в терминах другого, но есть организация целой системы, понятий по образцу некоторой другой системы. Такие случаи мы назовем ориентационными метафорами, так как большинство подобных понятий связано с пространственной ориентацией, с противопоставлениями типа «верх — низ», «внутри — снаружи», «передняя сторона — задняя сторона», «глубокий — мелкий», «центральный — периферийный». Подобные ориентационные противопоставления проистекают из того, что наше тело обладает определенными свойствами и функционирует определенным образом в окружающем нас физическом мире. Ориентационные метафоры придают понятию пространственную ориентацию; например, HAPPY IS UP 'СЧАСТЬЕ ЕСТЬ ВЕРХ'. Тот факт, что понятие СЧАСТЬЕ (УДАЧА, УСПЕХ) ориентировано на ВЕРХ (the concept HAPPY is oriented UP), демонстрируется такими английскими выражениями, как I'm feeling *up* today 'Я чувствую себя сегодня превосходно (на подъеме)'.

Подобные метафорические ориентации отнюдь не произвольны — они опираются на наш физический и культурный опыт. Хотя полярные оппозиции «верх — низ», «внутри — снаружи» и т. п. имеют физическую природу, основанные на них ориентационные метафоры могут варьировать от культуры к культуре. Например, в одних культурах будущее находится впереди нас, а в других — позади нас. Иллюстрируя наши положения, мы будем рассматривать пространственные метафоры типа «верх — низ», которые были тщательно изучены Уильямом Надем. В каждом случае мы будем хотя бы бегло отсылать к нашему физическому или культурному опыту. Эти отсылки весьма правдоподобны, но отнюдь не безусловны.

HAPPY IS UP; SAD IS DOWN 'СЧАСТЬЕ --
ВЕРХ; ГРУСТЬ - НИЗ'

I'm feeling *up* 'Я в приподнятом настроении'. That *boosted* my spirits 'Это подняло мое настроение'. My spirits *rose* 'У меня поднялось настроение'. You're in *high* spirits 'Вы в хорошем (букв.: *высоком*) настроении'. Thinking about her always gives me a *lift* 'Мысли о ней всегда воодушевляют (букв.: *приподнимают*) меня'. I'm feeling *down* 'Я пал духом (букв.: чувствую себя *внизу*)'. I'm *depressed* 'Я подавлен (букв.: *опущен*)'. He's really *low* these days 'В последнее время он в самом деле в упадочном настроении'. I *fell* into a depression 'Я *впал* в уныние (букв.: в понижение)'. My spirits *sank* 'Я упал духом' (букв.: 'Мое настроение *понижилось*').

Физическая основа. Грусть и уныние гнетут человека, и он опускает голову, а положительные эмоции распрямляют его и заставляют поднять голову.

CONSCIOUS IS UP, UNCONSCIOUS IS DOWN 'СОЗНАНИЕ
ОРИЕНТИРУЕТ ВВЕРХ; БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ - ВНИЗ'

Get *up* 'Вставайте'. Wake *up* 'Проснитесь'. I'm *up* already 'Я уже проснулся'. He *rises* early in the morning 'Он *встает* рано утром'. He *fell* asleep 'Он заснул (букв.: *упал* в сон)'. He *dropped* off to sleep 'Он *повалился* спать'. He is *under* hypnosis 'Он *под* гипнозом'. He *sank* into a coma 'Он *впал* в кому'.

Физическая основа. Человек и большинство млекопитающих спят лежа, а просыпаясь, встают.

HEALTH AND LIFE ARE UP; SICKNESS AND DEATH ARE
DOWN

'ЗДОРОВЬЕ И ЖИЗНЬ ОРИЕНТИРУЮТ ВВЕРХ; БОЛЕЗНЬ И
СМЕРТЬ - ВНИЗ*

He's at the *peak* of health 'У него прекрасное здоровье' (букв.: 'Он на *вершине* здоровья'). Lazarus *rose* from the dead 'Лазарь *восстал* из мертвых'.

He is in *top* shape 'Он в *наивысшей* спортивной форме'. As to his health, he's *way up* there 'Что касается его здоровья, он в отличном состоянии'. He *fell* ill 'Он заболел (букв.: *упал* больной)'. He is *sinking* fast 'Он умирает (букв.: *опускается* быстро)'. He came *down* with the flu 'Он схватил простуду (букв.: пришел *вниз* с простудой)'. His health is *declining* 'Его здоровье ухудшается (букв.: *наклоняется*)'. He dropped dead 'Он *упал* мертвым'.

Ф и з и ч е с к а я о с н о в а . Серьезная болезнь вынуждает человека лежать. Мертвый падает вниз.

HAVING CONTROL OF FORCE IS UP; BEING SUBJECT TO CONTROL OR FORCE IS DOWN

'ОБЛАДАНИЕ ВЛАСТЬЮ ИЛИ СИЛОЙ ОРИЕНТИРУЕТ ВВЕРХ; ПОДЧИНЕНИЕ ВЛАСТИ ИЛИ СИЛЕ - ВНИЗ'

I have control *over* her 'Я держу ее в руках (букв.: имею контроль *над* ней)'. I am on *top* of the situation 'Я хозяин положения (букв.: на *вершине* ситуации)'. He's in a *superior* position 'Он занимает *высшее* положение'. He's at the *height* of his power 'Он находится на *высоте* своей власти'. He's in the *high* command 'Он обладает *высокой* властью'. He's in ■ the *upper* echelon 'Он принадлежит к высшему эшелону власти'. His power *rose* 'Его власть растет (букв.: *повышается*)'. He ranks *above* me in strength 'Он превосходит меня по силе (букв.: стоит *выше* меня)'. He's *under* my control 'Он *под* моим контролем'. He *fell* from power 'Он лишился власти (букв.: *упал* с власти)'. His power is on the *decline* 'Его власть *падает*'. He is my social *inferior* 'Он *ниже* меня по социальному статусу'. He is *low man* on the totem pole 'Он занимает *низкое* положение в тотемистической иерархии'.

Ф и з и ч е с к а я о с н о в а . Физические размеры обычно коррелируют с физической силой, а победитель в борьбе обычно занимает положение наверху.

MORE IS UP; LESS IS DOWN '«БОЛЬШЕ» - ОРИЕНТИР ВВЕРХ; «МЕНЬШЕ» - ВНИЗ'

The number of books printed each year keeps going *up* 'Число книг, издаваемых ежегодно, неуклонно растет (букв.: продолжает идти *вверх*)'. His draft number is *high* 'Его доля *высока*'. My income *rose* last year 'Мой доход *возрос* в прошлом году'. The amount of artistic activity in this state has gone *down* in the past year 'Объем художественной деятельности в этом штате *снизился* в минувшем году'. The number of errors he made is incredibly *low* 'Число сделанных им ошибок неправдоподобно мало (букв.: *низко*)'. His income *fell* last year 'Его доход *упал* в прошлом году'. He is *underage* 'Он несовершеннолетний (букв.: под возрастом)'. If you're too hot, turn the heat *down* 'Если вам слишком жарко, убавьте тепло (букв.: направьте тепло *вниз*)'.

Ф и з и ч е с к а я о с н о в а . Если вы добавляете больше вещества или отдельных объектов в какой-либо объем или в кучу, уровень содержимого становится выше.

FORESEEABLE FUTURE EVENTS ARE UP (AND AHEAD)
'ПРЕДСКАЗУЕМЫЕ БУДУЩИЕ СОБЫТИЯ - НАВЕРХУ (И
ВПЕРЕДИ)'.
В П Е Р Е Д И)'.

All upcoming events are listed in the paper 'Все предстоящие (букв.: еверг-идущие) события перечислены в газете'. What's coming *up* this week? 'Что ожидается (букв.: идет *вверх*) на этой неделе?' I'm afraid of what's *up ahead* of us 'Я боюсь того, что нам предстоит (букв.: того, что находится *наверху впереди*)'. What's *up*! 'Что произойдет?' (букв.: 'Что *наверху*!').

Ф и з и ч е с к а я о с н о в а . В нормальной ситуации наши глаза смотрят в том направлении, в котором мы нормально перемещаемся (то есть вперед). По мере того, как объект приближается к наблюдателю (или наблюдатель к объекту), этот объект как бы увеличивается в размере. Место наблюдения принимается как неподвижное, а верхняя часть объекта как бы движется наверх в поле зрения наблюдателя, наплывает на него.

HIGH STATUS IS UP; LOW STATUS IS DOWN 'ВЫСОКИЙ
СТАТУС СООТВЕТСТВУЕТ ВЕРХУ; НИЗКИЙ

СТАТУС - НИЗУ'

He has a *lofty* position 'Он занимает очень *высокое* положение'. She'll *rise* to the *top* 'Она достигнет высокого положения (букв.: *поднимется* на *вершину*)'. He's at the *peak* of his career 'Он на *пике* своей карьеры'. He's *climbing* the ladder 'Он делает карьеру (букв.: *поднимается* по лестнице)'. He has little *upward* mobility 'У него мало пробивной силы для карьеры' (букв.: 'Он обладает малой *восходящей* мобильностью'). He's at the *bottom* of the social hierarchy 'Он находится на *дне* социальной иерархии'. She *fell* in status 'Ее статус *упал*'.

Социальная и физическая основа. Статус коррелирован с (социальным) господством, а (физическое) господство ориентировано как ВЕРХ.

GOOD IS UP; BAD IS DOWN 'ХОРОШЕЕ ОРИЕНТИРОВАНО ВВЕРХ; ПЛОХОЕ - ВНИЗ'

Things are looking *up* 'Дела улучшаются (букв.: смотрят *вверх*)'. We hit a *peak* last year, but it's been *downhill* ever since 'Мы достигли *высшей* точки в прошлом году, но с тех пор дела ухудшились (букв.: пошли *вниз*)'. Things are at an all-time *low* 'Дела находятся на небывало *низком* уровне'. He does *high-quality* work 'Он дает высококачественную продукцию'.

Физическая основа для личного благополучия. Счастье, здоровье, жизнь и господство — то есть все то, что характеризует благо для человека, ориентировано вверх.

VIRTUE IS UP; DEPRAVITY IS DOWN 'ДОБРОДЕТЕЛЬ ОРИЕНТИРОВАНА ВВЕРХ; ПОРОК -ВНИЗ'

He is *high-minded* 'Он благороден (букв.: с *высоким* складом ума)'. She has *high* standards 'У нее *высокие* критерии'. She is *upright* 'Она честная (справедливая, букв.: *вертикальная*)'. She is an *upstanding* citizen 'Она честная (букв.: *стоящая прямо*) гражданка'. That was a *low* trick 'Это была *низкая* проделка'. Don't be *underhanded* 'Не занимайтесь интригами'. I wouldn't *stoop* to that 'Я не унижусь (букв.: не *наклонюсь*) до этого'. That would be *beneath* me

'Это было бы недостойно (букв.: *ниже*) меня'. He *fell in the abyss of depravity*
'Он погряз в пороке (букв.: *впал в бездну порока*)'. That was a *low-down* thing
to do 'Это был *низкий* поступок'.

Физическая и социальная основа. ХОРОШЕЕ
ОРИЕНТИРУЕТ ВВЕРХ для любой личности (физическая основа); к этому
присоединяется метафора, которую мы рассмотрим ниже, - ОБЩЕСТВО
ЕСТЬ ЛИЧНОСТЬ (в том ее варианте, в котором человек *не* отождествляет
себя с обществом). Быть добродетельным — значит поступать в соответствии
с нравственными критериями, установленными обществом/лицом для
поддержания его благополучия. ДОБРОДЕТЕЛЬ ЕСТЬ ВЕРХ потому, что
добродетельные поступки коррелированы с общественным благополучием, с
точки зрения общества/лица. Поскольку социально мотивированные
метафоры составляют часть культуры, решающее значение здесь имеет точка
зрения общества/лица.

RATIONAL IS UP; EMOTIONAL IS DOWN 'РАЦИОНАЛЬНОЕ
ОРИЕНТИРОВАНО ВВЕРХ; ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ - ВНИЗ'

The discussion *fell to the emotional* level but I *raised* it back *up to the
rational* plane 'Дебаты приняли эмоциональный характер (букв.: упали до
эмоционального уровня), но я ввел их снова в рациональную колею (букв.:
поднял их снова на рациональную плоскость)'. We put our *feelings* aside and
had a *high-level intellectual* discussion of the matter 'Мы отставили в сторону
эмоции и затеяли высокоинтеллектуальное обсуждение вопроса'. He couldn't
rise above his emotions 'Он не смог стать выше своих эмоций'.

Физическая и культурная основа. В нашей культуре
люди считают, что они способны к контролю над животными, растениями и
окружающей средой, именно эта уникальная способность ставит человека над
животными и обеспечивает власть над ними. Метафора ВЛАСТЬ — ВЕРХ,
таким образом, составляет основу для метафоры ЧЕЛОВЕК — ВЕРХ и,
следовательно, для метафоры РАЦИОНАЛЬНОЕ - ВЕРХ.

Выводы. Разобранные примеры приводят нас к следующим выводам относительно эмпирических оснований, связности и системности метафорических понятий:

Большинство наших фундаментальных понятий организуется в терминах одной или нескольких ориентационных метафор.

Каждая пространственная метафора обладает внутренней системностью. Например, метафора HAPPY IS UP 'СЧАСТЬЕ — ВЕРХ' определяет некоторую связную систему, а вовсе не ряд разрозненных и случайных метафор. (Пример распада системы мы имели бы в том случае, если бы, скажем, фраза I'm feeling up значила 'Я чувствую себя счастливым', а фраза My spirits rose — 'Я становлюсь печальнее'.)

Разнообразные ориентационные метафоры объемлет общая система, согласующая их между собой. Так, метафора ХОРОШЕЕ — ВЕРХ задает ориентацию ВЕРХ для общего состояния благополучия, и эта ориентация согласована с частными случаями типа СЧАСТЬЕ - ВЕРХ, ЗДОРОВЬЕ - ВЕРХ, ЖИВОЕ - ВЕРХ, КОНТРОЛЬ - ВЕРХ. Метафора СТАТУС - ВЕРХ согласована с метафорой КОНТРОЛЬ — ВЕРХ.

Ориентационные метафоры коренятся в физическом и культурном опыте; они применяются отнюдь не случайно. Метафора может служить средством осмысления того или иного понятия только благодаря ее эмпирическому основанию. (Некоторые сложности, связанные с эмпирическим основанием метафоры, обсуждаются в следующем разделе.)

В основе метафоры могут лежать разные физические и социальные явления. Как представляется, согласованность внутри общей системы отчасти объясняет выбор одного из них. Например, состояние счастья в физической сфере, как правило, коррелирует с улыбкой и общим состоянием экспансивности (открытости). В принципе это могло бы служить основанием для метафоры HAPPY IS WIDE; SAD IS NARROW 'СЧАСТЬЕ - ШИРОКОЕ; ГРУСТЬ —УЗКОЕ'. И действительно, встречаются отдельные выражения, отвечающие этой метафоре, — например, I'm feeling *expansive* приблиз.: 'Я

чувствую, что радость бьет через край; Я но могу сдержатъ радости!'; подобные выражения выделяют другой аспект состояния счастья, нежели выражения типа *I'm feeling up*. Однако в нашей культуре главной для соответствующего состояния является ассоциация счастья с верхом; можно привести обоснование того, почему мы говорим о «вершине счастья», а не о «ширине счастья». Метафора СЧАСТЬЕ — ВЕРХ максимально согласована с метафорами ХОРОШЕЕ — ВЕРХ, ЗДОРОВЬЕ - ВЕРХ и т. п.

—В некоторых случаях ориентация в пространстве составляет столь существенную часть понятия, что нам трудно вообразить какую-либо другую метафору, которая могла бы упорядочить данное понятие. В нашем обществе таким понятием является «высокий статус». Другие случаи, типа «счастье», носят менее определенный характер. Независимо ли понятие счастья от метафоры СЧАСТЬЕ — ВЕРХ или же вертикальная пространственная ориентация составляет неотъемлемую часть данного понятия? Мы полагаем, что в рамках данной концептуальной системы она составляет его часть. Метафора СЧАСТЬЕ — ВЕРХ помещает счастье внутри согласованной метафорической системы, и часть содержания этого понятия вытекает из его роли в этой системе.

—Так называемые сугубо интеллектуальные понятия, например, понятия в научной теории, часто — а возможно, и всегда — основаны на метафорах, имеющих физическое и/или культурное основание. Прилагательное *high* в выражении *high-energy particles* 'частицы высоких энергий' основано на метафоре *MORE IS UP* 'БОЛЬШЕ — ВЕРХ'. *High* в выражении *high-level functions* 'функции высокого уровня', используемом в физиологической психологии, основано на метафоре *RATIONAL IS UP* 'РАЦИОНАЛЬНОЕ — ВЕРХ'. Слово *low* в *low-level phonology* 'фонология низкого уровня' (та фонология, которая ведаёт детальными фонетическими аспектами звуковых систем в естественных языках) основано на метафоре *MUNDANE REALITY IS LOW* 'МИРСКАЯ (ПРИЗЕМЛЕННАЯ) РЕАЛЬНОСТЬ -НИЗ' (ср. выражение *down-to-earth* 'направленный вниз к

земле, приземленный'). Интуитивная привлекательность научной теории связана с тем, насколько хорошо ее метафоры отражают наш опыт.

— Наш физический и культурный опыт дает множество оснований для ориентационных метафор. Выбор тех или иных метафор и выделение среди них главных могут варьировать от культуры к культуре.

— Задача разграничения физического и культурного оснований метафоры весьма сложна, поскольку выбор одного конкретного физического основания среди множества возможных должен согласовываться с общим культурным фоном.

Эмпирические основания метафор. Об эмпирических основаниях метафор нам известно немного. Из-за недостатка знаний в этой области мы описывали каждую метафору отдельно от других и лишь затем привели некоторые спекулятивные соображения по поводу возможных эмпирических оснований метафор. Мы избрали такой порядок изложения исключительно вследствие недостатка наших знаний, но отнюдь не из принципа. В действительности же мы полагаем, что ни одна метафора не может восприниматься и даже не может быть адекватно представлена независимо от ее эмпирических оснований. Например, эмпирическое основание метафоры БОЛЬШЕ — ВЕРХ весьма существенно отличается от эмпирического основания метафор СЧАСТЬЕ — ВЕРХ или РАЦИОНАЛЬНОЕ — ВЕРХ. Хотя во всех этих метафорах фигурирует одно и то же понятие ВЕРХ, области опыта, на которых основаны эти метафоры, существенно различны. Дело вовсе не в том, что имеется много разных понятий ВЕРХ; правильнее сказать, что вертикальность входит в наш опыт многими разными способами и тем самым порождает много различных метафор.

Неотделимость метафор от их эмпирических оснований можно было бы акцентировать посредством включения эмпирических оснований в сами представления метафор. Так, вместо формулировок типа БОЛЬШЕ — ВЕРХ и РАЦИОНАЛЬНОЕ - ВЕРХ мы могли бы использовать более сложные отношения, изображенные на диаграмме.

БОЛЬШЕ

ВЕРХ

— Эмпирическое

основание 1

МЕНЬШЕ

НИЗ

РАЦИОНАЛЬНОЕ

ВЕРХ

_____ Эмпирическое _____

основание 2

ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ

НИЗ

В таком представлении подчеркивался бы тот факт, что две части каждой метафоры связаны только через соответствующее эмпирическое основание и что только с помощью данных эмпирических оснований метафора может выполнять свою функцию в понимании текстов.

Мы вынуждены отказаться от подобных представлений вследствие наших малых знаний об эмпирических основаниях метафор. Мы по-прежнему будем использовать слово *is* 'есть'* в формулировках метафор типа MORE IS UP 'БОЛЬШЕ — ВЕРХ', однако это слово в данном контексте следует рассматривать как своего рода стенографическое обозначение для некоторого множества эмпирических явлений, на которых основана соответствующая метафора и в терминах которых мы ее понимаем.

Роль эмпирического основания важна и при понимании функционирования тех метафор, которые не согласуются друг с другом вследствие того, что они основаны на разных типах опыта. Возьмем, например, метафору НЕИЗВЕСТНОЕ — ВЕРХ; ИЗВЕСТНОЕ — НИЗ и рассмотрим примеры *That's up in the air* 'Это носится в воздухе' и *The matter is settled* 'Дело улажено'. Эта метафора имеет в качестве эмпирического

основания нечто вроде UNDERSTANDING IS GRASPING 'ПОНИМАНИЕ ЕСТЬ СХВАТЫВАНИЕ (УЛАВЛИВАНИЕ)*, как в примере I couldn't *grasp* his explanation 'Я не мог *схватить* суть его объяснения'. В сфере

В русском переводе формулировок метафор в большинстве случаев вместо глагола-связки *есть* используется тире. — *Прим. перев.* физических объектов, если вы можете схватить что-либо и удержать в руках, то вы можете тщательно рассмотреть этот предмет и достаточно хорошо освоить его. Схватывать руками и тщательно рассматривать легче те предметы, которые находятся на земле в фиксированном положении, чем те, которые плавают в воздухе (подобно листьям или клочкам бумаги). Тем самым метафора НЕИЗВЕСТНОЕ - ВЕРХ; ИЗВЕСТНОЕ - НИЗ согласуется с эмпирическим основанием ПОНИМАНИЕ ЕСТЬ СХВАТЫВАНИЕ.

Однако НЕИЗВЕСТНОЕ — ВЕРХ не согласуется с такими метафорами, как ХОРОШЕЕ - ВЕРХ и ЗАКОНЧЕННОЕ - ВЕРХ (как во фразе I'm finishing *up* 'Я заканчиваю'). Естественно ожидать, что ЗАКОНЧЕННОЕ сочетается с ИЗВЕСТНЫМ, а НЕЗАКОНЧЕННОЕ сочетается с НЕИЗВЕСТНЫМ. Однако в свете вертикально ориентированных метафор данные соотношения не выполняются. Объяснение этому состоит в том, что метафоры НЕИЗВЕСТНОЕ - ВЕРХ и ЗАКОНЧЕННОЕ - ВЕРХ имеют разные эмпирические основания.

3.4. Метафора и культурный фон

Наиболее фундаментальные культурные ценности согласованы с метафорической структурой основных понятий данной культуры. В качестве примера рассмотрим некоторые ценностные суждения принятые в нашем обществе, которые — в отличие от противоположных им утверждений — согласованы с пространственными метафорами типа ВЕРХ — НИЗ.

«Больше (по количеству) — лучше» согласовано с БОЛЬШЕ — ВЕРХ и ХОРОШЕЕ - ВЕРХ.

«Меньше (по количеству) — лучше» не согласовано с этими

метафорами.

«Большее (по размеру) — лучше» согласовано с БОЛЬШЕ — ВЕРХ и ХОРОШЕЕ - ВЕРХ.

«Меньшее (по размеру) — лучше» не согласовано с этими метафорами.

«Будущее будет лучше» согласовано с БУДУЩЕЕ — ВЕРХ и ХОРОШЕЕ - ВЕРХ.

«Будущее будет хуже» не согласовано с этими метафорами.

«В будущем будет больше (There will be more in the future)» согласовано с БОЛЬШЕ — ВЕРХ и БУДУЩЕЕ — ВЕРХ.

«Ваш статус должен повыситься в будущем» согласовано с ВЫСОКИЙ СТАТУС - ВЕРХ и БУДУЩЕЕ - ВЕРХ.

Все эти ценности глубоко укоренились в нашей культуре. «Будущее будет лучше» — утверждение прогресса. Для утверждения «В будущем будет больше» в качестве особых случаев можно указать накопление товаров потребления и повышение заработной платы. «Ваш статус должен повыситься в будущем» — утверждение карьеризма (продвижения по служебной лестнице). Эти утверждения согласуются с нашими пространственными метафорами, а противоположные им утверждения с ними не согласуются. Поэтому можно предположить, что наши культурные ценности существуют не изолировано друг от друга, а должны образовывать согласованную систему вместе с метафорическими понятиями, в мире которых протекает наша жизнь. Мы не утверждаем, что все культурные ценности, согласованные с метафорической системой, реально существуют; мы утверждаем лишь то, что те ценности, которые реально существуют и глубоко укоренились в культуре, согласуются с метафорической системой.

Перечисленные выше ценности имеют силу для нашей культуры в общем смысле — при прочих равных условиях. Однако, поскольку условия меняются, нередко возникают конфликты между этими ценностями и,

следовательно, конфликты между метафорами, которые ассоциируются с ними. Для объяснения подобных конфликтов между ценностями (и им соответствующими метафорами) мы должны обнаружить различные индексы приоритетов, присваиваемых этим ценностям и метафорам той субкультурой, которая их использует. Например, метафора БОЛЬШЕ — ВЕРХ, как представляется, всегда имеет наивысший приоритет, поскольку ей отвечает наиболее очевидное физическое основание. Превосходство приоритета метафоры БОЛЬШЕ - ВЕРХ над приоритетом ХОРОШЕЕ - ВЕРХ можно видеть на примерах типа *Inflation is rising* 'Инфляция повышается' и *The crime rate is going up* 'Преступность растет'. Инфляцию и преступность естественно оценивать как отрицательные явления; при этом данные фразы обладают присущим им смыслом вследствие того, что метафора БОЛЬШЕ — ВЕРХ всегда имеет максимальный приоритет.

В общем случае индекс приоритетов ценностей определяется частично субкультурой, в которой живет индивид, а частично его личными оценками и пристрастиями. Различные субкультуры в составе некоторой магистральной культуры обладают базисными ценностями, но присваивают им разные индексы приоритетов. Например, БОЛЬШЕЕ — ЛУЧШЕ может вступить в конфликт с утверждением В БУДУЩЕМ БУДЕТ БОЛЬШЕ, когда встает вопрос о том, покупать ли большой автомобиль в данное время с последующей выплатой крупной денежной суммы, которая поглотит будущее жалованье, или довольствоваться покупкой автомобиля меньшего размера, но более дешевого. В США есть субкультуры, в рамках которых покупка большого автомобиля не является основанием для беспокойства о будущем, а есть и другие субкультуры, в рамках которых будущее выступает на первый план при покупке даже небольшого автомобиля. Было время (до инфляции и энергетического кризиса), когда владение небольшой машиной имело высокий статус в субкультуре, где принципы ДОБРОДЕТЕЛЬ - ВЕРХ и ЭКОНОМИЯ РЕСУРСОВ ДОБРОДЕТЕЛЬНА имели приоритет над БОЛЬШЕЕ — ЛУЧШЕ. В наши дни число владельцев небольших машин резко

увеличилось, так как имеется большая субкультура, в которой принцип ЭКОНОМИТЬ ДЕНЬГИ - ХОРОШО превалирует над принципом БОЛЬШЕ — ЛУЧШЕ.

Кроме субкультур, существуют также социальные группы, определяющее свойство которых состоит в том, что их члены разделяют некоторые важные ценностные принципы, противоречащие ценностям магистральной культуры. Другие же ценности магистральной культуры членами таких групп сохраняются подспудно. Нечто подобное можно наблюдать в монашеских орденах, например, в ордена траппистов. В нем ценности МЕНЬШЕ — ЛУЧШЕ и МЕНЬШЕЕ - ЛУЧШЕ справедливы по отношению к материальной собственности, рассматриваемой монахами как препятствие к искреннему исполнению самого важного в жизни — долга перед Богом. Трапписты разделяют ценностный принцип магистральной культуры ДОБРОДЕТЕЛЬ — ВЕРХ, придавая ей наивысший приоритет. Принцип БОЛЬШЕ — ЛУЧШЕ для них также остается в силе, но применяется не к материальным благам, а к добродетели; так же обстоит дело с ценностным принципом СТАТУС — ВЕРХ, но он относится не к земному, а к высшему миру — к Царству Божию. Далее, ценностный принцип БУДУЩЕЕ БУДЕТ ЛУЧШЕ справедлив относительно духовного роста (ВЕРХ) и в конечном счете спасения духа (подлинно ВЕРХ). Подобная ситуация типична для социальных групп, находящихся вне магистральной культуры. Добродетель, благо, доброта и статус могут быть коренным образом переосмыслены, оставаясь при этом в положении ВЕРХА. В таких социальных группах по-прежнему лучше располагать большим количеством того, что в них считается важным, по-прежнему БУДУЩЕЕ БУДЕТ ЛУЧШЕ относительно того, что важно, и т. д. Принимая во внимание аспекты, важные для религиозной группы, можно сказать, что ее система ценностей обладает как внутренней согласованностью, так и согласованностью с главными ориентационными метафорами магистральной культуры.

Отдельные люди, как и социальные группы, отличаются своими системами приоритетов и теми способами, которыми они осмысливают то, что для них хорошо или добродетельно. В этом смысле каждое лицо представляет собой подгруппу из одного члена. Его индивидуальная система ценностей, хотя и с некоторыми поправками, согласована с главными ориентационными метафорами магистральной культуры.

Отнюдь не все культуры располагают приоритеты на ориентационной шкале «верх — низ», как это делаем мы. Есть культуры, в которых понятия равновесия или расположенности относительно центра играют гораздо более существенную роль, чем у нас. Или возьмем непространственную ориентацию «активное — пассивное». Для нас в большинстве случаев АКТИВНОЕ — ВЕРХ и ПАССИВНОЕ — НИЗ; однако в некоторых культурах пассивность оценивается выше активности. Вообще говоря, главные ориентационные шкалы «верх — низ», «внутри — вне», «центральное — периферийное», «активное — пассивное» и т. п. представляются общими для всех культур, однако виды ориентации, принятые для конкретных понятий, и роль ориентационных принципов, с точки зрения их важности, варьируют от культуры к культуре.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Язык, таким образом, служит не только целям общения, но и представляет собой хранилище информации об определенном языковом коллективе, дает индивиду возможность идентифицировать себя в качестве члена той или иной социальной или профессиональной группы, в качестве представителя некоего этноса. Метафора трактуется и как когнитивный процесс, выражающий и формирующий новое понятие, и как культурный процесс, посредством которого происходят изменения в языке.

В.Н. Телия подчеркивает, что деятельностный аспект метафоры имеет прямую связь с человеческим фактором в языке, благодаря чему в языковых средствах отражается национально-культурное богатство, накопленное этносом в процессе исторического развития [Телия 1977: 173]. О.Н. Селиверстова также считает, что метафора играет важную роль в формировании языковой картины мира, являясь «зеркальным отображением мира, своего рода призмой, через которую совершается мировидение» [Селиверстова 2002: 15].

Метафора – это модель, выполняющая в языке ту же функцию, что и словообразовательная модель, но только более сложная, действующая скрыто и нестандартно. В когнитивной лингвистике говорят о метафорической модели как о способе концептуализации разного рода нематериальных объектов и процессов. Когнитивные модели играют существенную роль в описании концептуальной системы [Lakoff 1987; Рахилина 2000]. Исходное значение слова – это некая ментальная схема, представленная говорящим для осмысления явлений окружающей действительности. Можно сказать, что данные модели имеют в основе операционно-ассоциативный способ представления и извлечения информации. Термин «концептуальная метафора» как один из центральных объектов изучения в когнитивной теории метафоры представляет собой прямое соответствие между областью источника и областью цели,

фиксированные в языковой и культурной традиции данного общества [Чудинов 2001; Бурмистрова 2003].

Концептуальная метафора определяет способы осмысления действительности человеком как представителем определенной культуры. Примеры таких моделей: любовь – это путешествие, время – деньги, спор – это война. Метафоризация – это уникальное средство пополнения языкового инвентаря, и она в большей степени, чем метонимия, связана с познавательной деятельностью человека.

Альтернативный подход к анализу когнитивной метафоры известен как теория концептуальной интеграции, или теория блендинга. Основатели теории блендинга М. Тернер и Ж. Фоконье пришли к выводу о том, что метафоризация не исчерпывается проекцией из сферы - источника в сферу - цели, а включает в себя сложные динамические интеграционные процессы, создающие новые смешанные ментальные пространства, которые способны в самом процессе концептуальной интеграции выстраивать структуру значения. Когнитивный подход к метафоре в рамках этой теории разрабатывался на основе синтеза теории ментальных пространств Ж. Фоконье и теории концептуальной метафоры [Fauconnier, Turner 1994, 1998; Turner, Fauconnier 2000, 2002].

М. Тернер и Ж. Фоконье предложили альтернативную двухдоменной модели метафоры (two-domain model) модель нескольких пространств (many-space model) [Fauconnier, Turner 1994]. По мнению исследователей, однонаправленная метафорическая проекция из сферы-источника в сферу-цели представляет собой только частный случай более сложного, динамического и вариативного комплекса процессов, для актуализации которых необходимо ввести в исследование когнитивной метафоры два промежуточных пространства (middle spaces). Таким образом, в отличие от двух концептуальных доменов в теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона, предлагается рассматривать четыре ментальных пространства: два исходных пространства (input spaces), общее пространство (generic space) и

смешанное пространство (blended space), или бленд (blend). Исходные пространства соотносятся со сферой-источником и сферой-целью в теории концептуальной метафоры, хотя количество исходных пространств может быть больше двух.

При анализе метафор исследователям блендинга часто приходится сталкиваться с интеграционными сетями (integration networks), которые включают сразу несколько (больше двух) исходных пространств с разными видами проекции (например, и метонимию, и метафору) [Fauconnier, Turner 1998]. Например: «*Если бы Клинтон был Титаником, то утонул бы Айсберг*», где два исходных ментальных пространства: *Клинтон* и *Титаник*, но в процессе блендинга заимствуются фреймовые структуры *Титаника*, потерпевшего кораблекрушение и скандала вокруг *Клинтона*, в результате *Клинтон не потерпел кораблекрушение, а уцелел*.

При этом блендинг понимается довольно широко и не ограничивается исследованием процессов метафоризации. Блендинг – «когнитивный механизм, охватывающий многие когнитивные феномены, включая категоризацию, построение гипотез, инференцию, происхождение и комбинирование грамматических конструкций, аналогию, метафору и нарратив» [Fauconnier, Turner 1994: 3-4]. В теории блендинга метафора занимает место только одного из когнитивных механизмов, точнее, разновидностью всеобщего механизма концептуальной интеграции. Исследователи блендинга ставят перед собой цель изучения метафоры не как культурно-статического, а как индивидуально-динамического феномена [цит. по: Будаев, Чудинов 2006]

Итак, современные лингвистические теории делают упор на языке как когнитивном механизме человека и стремятся выявить “посредническую” функцию языка между человеком и внеязыковой реальностью с помощью различных процессов семантической деривации. Наше сознание не только упорядочивает знания, но и организует их в определенные когнитивные

структуры, которые могут быть помещены в память. Когнитивные структуры – имеющиеся в уме готовые схемы или модели, под которые могут быть подведены новые ситуации, а результатом произведенных над данными структурами преобразований является метафоризация. Это когнитивный процесс, в основе которого заложен поиск предметов, явлений, содержащих аналогичные характеристики, необходимые для данного объекта.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Каримов И.А. Гармонично развитое поколение основа прогресса Узбекистана. // Ташкент. Собр. Соч. Т. 6. 1998.- 330с.
2. Каримов И.А. Узбекистан по пути углубления экономических реформ. Ташкент, «Узбекистан», 1995.- 247с.
3. Каримов И.А. Узбекистан на пороге XXI века: угрозы безопасности, условия и гарантии прогресса. Ташкент, «Узбекистан», 1997.-131с.
4. Постановление Президента Республики Узбекистан «О мерах по дальнейшему совершенствованию системы изучения иностранных языков//Народное слово, 11.12.2012 г., № 240 , С 1.
5. Арутюнова, Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. / Н.Д, Арутюнова. - М., 1988. - 341 с.
6. Баранов А.Н. Метафорические грани феномена коррупции // Общественные науки и современность. 2004а. № 2.
- 7.Баранов А.Н. Предисловие редактора. Когнитивная теория метафоры почти 20 лет спустя // Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004.
8. Баранов А.Н. Политическая метафорика публицистического текста: возможности лингвистического мониторинга // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. М., 2003.
- 9.Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора. Материалы к словарю. М., 1991.
- 10.Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Словарь русских политических метафор. М., 1994.
- 11.Богданов, В.В. Классификация речевых актов / В.В. Богданов // Личностные аспекты языкового общения. - Калинин, 1989. - С. 25-37.
- 12.Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии. Тамбов, 2001.

13. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Метафора в политическом интердискурсе. Екатеринбург, 2006.
14. Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. № 4.
15. Касымова, О.П. Позиция, функция и валентность как системные понятия / О.П. Касымова // II Международные Бодуэновские чтения: Казанская лингвистическая школа: традиции и современность (Казань, 11-13 декабря 2003 г.) : труды и материалы : в 2 т. / под общ. ред. К.Р. Галлиулина, Г.А. Николаева. - Казань : Изд-во Казан, ун-та, 2003- Т. 1. - С. 49-51.
16. Кубрякова Е.С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика - психология - когнитивная наука // Вопросы языкознания. - 1994. № 4.
17. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. / Под. ред. и с предисл. А.Н. Баранова. М., 2004.
18. МакКормак Э. Когнитивная теория метафоры // Теория метафоры. М., 1990.
19. Ричардс А. Философия риторики // Теория метафоры. М., 1990.
20. Рудакова А.В. Когнитология и когнитивная лингвистика / Под. ред. И.А. Стернина. Воронеж, 2002.
21. Рудакова А.В. Когнитология и когнитивная лингвистика / Под. ред. И.А. Стернина. Воронеж, 2002.
22. Скребцова Т.Г. Американская школа когнитивной лингвистики / Послесл. Н.Л. Сухачева. СПб, 2000. Теория метафоры : Сб. / Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз.; Вступ. ст. и сост. Н.Д. Арутюновой. М., 1990.
23. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991 - 2000): Монография / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2001.

24. Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: Монография / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2003.

25. Ahrens K. When Love is Not Digested: Underlying Reasons for Source to Target Domain Pairings in the Contemporary Theory of Metaphor // Proceedings of the First Cognitive Linguistics Conference / ed. Yuchau E. Hsiao. Cheng-Chi University, 2002.

26. Barnden J.A., Glasbey S.R., Lee M.G., Wallington A.M. Varieties and directions of inter-domain influence in metaphor // Metaphor and Symbol. 2004. Vol. 19. № 1.

27. Chung S., Ahrens K., Sung Y. "STOCK MARKETS AS OCEAN WATER: A Corpus-based, Comparative Study in Mandarin Chinese, English and Spanish // Proceedings of the 17th Pacific Asia Conference on Language, Information and Computation (PACLIC). Singapore, 2003.

28. Coulson S. The Menendez Brothers Virus: Analogical Mapping in Blended Spaces // Conceptual Structure, Discourse, and Language / Ed. A. Goldberg. Palo Alto, 1996.

29. Drulak P. Metaphors and Creativity in International Politics. Discourse Politics Identity // www.lancaster.ac.uk/ias/researchgroups/dpi/docs/dpi-wp3-2005-drulak.doc - 2005.

30. Gibbs R.W. Jr., Wilson N.L. Bodily action and metaphorical meaning // Style. 2002. Vol. 36 (3).

31. Grady J., Taub S., Morgan S. Primitive and compound metaphors // Conceptual structure, discourse and language / Ed. A. Goldberg. - Stanford, CA: Center for the study of Language and Information, 1996.

32. Hellsten I. Door to Europe or Outpost Towards Russia? Political metaphors in Finnish EU journalism // Journalism at the Crossroads: Perspectives on Research / ed. J. Koivisto, E. Lauk. Tartu, 1997.

33. Jamieson K.H. The Metaphoric Cluster in the Rhetoric of Pope Paul VI and Edmund G. Brown, Jr. // Quarterly Journal of Speech. 1980. Vol. 66.

34. Jaynes J. The origin of consciousness in the breakdown of the bicameral mind. Boston: Houghton Mifflin, 1976.
35. Lakoff G. The Contemporary Theory of Metaphor // Metaphor and Thought. / ed. A. Ortony. - Cambridge: Cambridge University Press, 1993.
36. Lakoff G. The Invariance Hypothesis: Is Abstract Reason Based on Image Schemata? // Cognitive Linguistics. 1990. Vol. 1 (1).
37. Lakoff G. Metaphor and War. The Metaphor System Used to Justify War in the Gulf // <http://metaphor.uoregon.edu/lakoff-1.htm> - 1991.
38. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live by. Chicago, 1980.
39. Musolff A. Metaphor and Political Discourse. Analogical Reasoning in Debates about Europe. - Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2004.
40. Osborn M. Archetypal Metaphor in Rhetoric: The Light-Dark Family // Quarterly Journal of Speech. 1967. Vol. 53.
41. Paris R. Kosovo and the Metaphor War // Political Science Quarterly. 2002. Vol. 117. № 3.
42. Ritchie D. "ARGUMENT IS WAR"- Or is it a Game of Chess? Multiple Meanings in the Analysis of Implicit Metaphors // Metaphor and Symbol. 2003a. Vol. 18. № 2.
43. Ritchie D. Categories and Similarities: A Note on Circularity // Metaphor and Symbol. 2003b. Vol. 18. № 1.
44. Ritchie D. Common Ground in Metaphor Theory: Continuing the Conversation // Metaphor and Symbol. 2004a. Vol. 19. № 3.
45. Ritchie D. Metaphors in Conversational Context: Toward a Connectivity Theory of Metaphor Interpretation // Metaphor and Symbol. 2004b. Vol. 19. № 4.
46. Spellman B., Ullman J., Holyoak K. A Coherence Model of Cognitive Consistency: Dynamics of Attitude Change During The Persian Gulf War // Journal of Social Issues. 1993. Vol. 49.
47. Turner M. Aspects of the Invariance Hypothesis // Cognitive Linguistics. 1990. Vol. 1 (2).

48. Turner M., Fauconnier G. Conceptual Integration and Formal Expression // Metaphor and Symbolic Activity. 1995. Vol. 10. № 3.

49. Turner M., Fauconnier G. Metaphor, Metonymy, and Binding // Metaphor and Metonymy at the Crossroads: A Cognitive Perspective / Ed. A. Barcelona. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2000.

50. Zinken J. Ideological Imagination: Intertextual and Correlational Metaphors in Political Discourse // Discourse and Society. 2003. Vol. 14. № 4.

51. Zinken J. Imagination im Diskurs. Zur Modellierung metaphorischer Kommunikation und Kognition. Dissertation zur Erlangung der Würde eines Doktors im Fach Linguistik. - Bielefeld: Universität Bielefeld, 2002.

52. George Lakoff, Mark Johnson. Metaphors We Live By. Chicago, University of Chicago Press, 1980. Ниже публикуются первые шесть глав данной книги (с. 3—32). Ее избранные главы (I, XIII, XXI, XXIII, XXIV) ранее выходили в русском переводе в сб.: «Язык и моделирование социального взаимодействия». М., «Прогресс», 1987, с. 126—170.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

[1] А г б и Ъ М. А. The Metaphorical Brain. New York, Wiley — Interscience, 1972.

[2] B o d e n Margaret A. Artificial Intelligence and Natural Man. New York, Basic book, 1977.

[3] D e n n e t t D. C. Why you can make a computer that feels pain. — In: D e n n e t t D. Brainstorms. Montgomery, Vermont, Bladford Books, 1978.

[4] D o b z h a n s k y Th. ed. al. Evolution. San Francisco, W. H. Freeman, 1977.

[5] D г e y f u s H. L. What Computers Can't Do. New York, Harper Colophon Book, 1979, Ch. 7.

[6] J a c o b F., M o n o d J. Genetic regulatory mechanisms in the synthesis of protein. — "Journal of Molecular Biology", 2, 1961, p. 318 -356.

[7] L a M e 11 r i e J. O. de. Man a Machine. La Salle, Illiois, Open Court, 1912.

[8] M a c C o r m a c E.B. Metaphor and Myth in Science and Beligion. Durham, North Carolina, Duke Univ. Press, 1976.

[9] M c C a r t h y J. Ascribing mental qualities to machines.—In: "Philosophical Perspectives in Artificial Intelligence", ed. by M. Bingle. New York, Humanities Press, 1979.

[10] M c C o r d u c k Pamela. Machines Who Think. San Francisco, W. H. Freeman, 1979.

[II] O r t o n y A. (ed.) Metaphor and Thought. Cambridge, Cambridge Univ. Press, 1979.

[12] P e p p e r S. C. World Hypothesis. Berkeley, Univ. of California Press, 1970.

[13J P y l y s h y n Z. W. Computation and Cognition: Issues in the Foundation of Cognitive science. — "The Behavioral and Brain Sciences", 3, 1980.

[14] T u r i n g A. M. Computing Machinery and Intelligence. — In: "Minds and Machines", ed. by A. R. Anderson. New Jersey, Prentice-Hall, 1964.